

Мой любимый детектив

Елена Арсеньева

Последняя
женская шпунсет

Елена Арсеньева

Последняя женская глупость

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Последняя женская глупость / Е. А. Арсеньева — «Автор»,

ISBN 5-699-00766-0

Богатый и благополучный бизнесмен Григорий Бронников арестован за убийство своей любовницы – можно сказать, за руку схвачен! Это необъяснимо жестокое преступление вызывает ярость у следователя Александра Бергера, он даже не в силах быть справедливым к Бронникову. Однако постепенно понимает, что с равным успехом убить Римму Тихонову мог и кто-то другой. Тот, кто испытывал к ней двойственное чувство – любви и ненависти, а из-за такого коктейля многие способны потерять голову. Убили ее в порыве необузданной ярости и ревности? Или это тонко обдуманное, изощренное, тщательно разработанное преступление? На эти вопросы Бергер так и не найдет ответа. Но он все же вычислит убийцу – и будет потрясен...

ISBN 5-699-00766-0

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

Взгляд из ниоткуда	5
Александр Бергер	7
Никита Дымов	10
Иннокентий Сироткин	13
Никита Дымов	19
Александр Бергер	22
Маша Самохвалова	26
Никита Дымов	30
Павел Малютин	33
Никита Дымов	37
Павел Малютин	41
Александр Бергер	46
Никита Дымов	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Елена Арсеньева

Последняя женская глупость

*Убил он ту, кого любил,
И должен умереть.
Но убивают все любимых...*

О. Уайльд

Взгляд из ниоткуда

... Меня уже нет. Я смотрю на все с какой-то неизмеримой высоты... а может быть, из столь же неизмеримой глубины. Еще не поняла хорошенько, вознеслась я все-таки или пала в безвозвратную бездну. Слишком недавно все произошло, слишком неожиданно, даже для меня – неожиданно и внезапно, хотя с тех пор, как я узнала, что сделал Григорий, я бессознательно готовилась к такому исходу.

Впрочем, почему бессознательно? Я прекрасно все осознавала, я не сомневалась, что иного финала у всей этой истории быть не может. То, что произошло, – логично и закономерно. Как говорится, все, что ни делается, делается к лучшему. Жизнь прожила, слепо доверяя этому постулату, не собираюсь сомневаться в нем и теперь. Мне-то сейчас определенно лучше, чем было раньше, особенно мгновение назад, когда оглушительная, ослепительная боль пронзила мой висок... Нет, почему – мгновение назад? Вроде бы уже двое суток с тех пор миновало, а может, и больше. А может, и меньше. Я теперь путаюсь во времени и временах, в прошедшем, настоящем и будущем – наверное, потому, что для меня существует только прошлое.

Все в прошлом. Все сметено могучим ураганом! Не то чтобы я успела отвыкнуть от земного времени – просто как-то отстранилась от привычных понятий, а главное, никак не привыкну к тому, что живу теперь вне всякого времени и пространства.

Живу... Хорошо сказано!

Ладно, существую. Или и это слово неточно? Неистинно? А что истинно? Любимая фразочка: «Все, что ни делается, то к лучшему»?

Насчет меня все ясно. Мне, повторюсь, – лучше. И тому, из-за кого все случилось, – ему, любимому мучителю, теперь, конечно, тоже лучше. Легче и спокойнее.

Интересно, знает ли он уже?.. И что почувствовал, когда узнал? Сие мне неизвестно. Я до сих пор еще не видела его. Как и раньше, непрестанно вижу Григория. Всегда, везде и всюду, рядом со мной – Григорий. Вот и сейчас я вполне отчетливо различаю каждую морщинку на его лице, рассматриваю седину, серебящую русые волосы, словно ранний снег. Я слышу каждое его слово, я постигаю подоплеку его поступков. Слишком много мы значили друг для друга, чтобы он не пропитал собою плоть мою и кровь. Даже если я сейчас, по вполне понятным причинам, бесплотна и обескровлена, дух мой полон им по-прежнему. А значит, он сам, его душа и мысли, как и прежде, мне понятны. А тот, другой...

Вопреки расхожему убеждению, что *после этого* получаешь какую-то особенную свободу перемещения и некое всезнание, ничем таким я по-прежнему не обладаю и живу, вернее, существую в прежнем мире своих непредсказуемых фантазий, догадок, домыслов и неопределенности. Я не способна оказаться рядом с ним, заглянуть в его глаза и мысли, поцеловать его – хотя бы и призрачно, эфемерно, неощутимо. Вот обидно, да? И при жизни никогда не могла толком угадать, что он там думает, и теперь не могу. За что боролись, на то и напоролись. Ничего не изменилось! А ведь сколько прочитано книг насчет этих всяких постжизненных явлений к любимым людям! У Фламариона, у Дьяченко, Моуди про это тонно-километры

страниц исписаны. И второй акт «Жизели» я не потому ль так исступленно любила, что он давал какую-то надежду на возможность встречи *потом*?..

Увы, увы. Нехорошо обманывать, господа!

А может, они и не обманывали, господа Фламарион, Адан и иже с ними? Может, это только мне не повезло? Может, лишь меня не наделили особым даром? Ради *грех* наших незамолимых, как прочла я некогда в старинной, пахнущей тленом книге.

Есть грех. Вернее, был...

А возвращаясь к незабвенному постулату, мол, все, что ни делается, делается к лучшему, остается добавить: лишь одному человеку случившееся определенно не пошло на пользу. Григорию!

Нет, что ни говори, не только я знала Григория до доньшка! Он тоже досконально изучил, прочувствовал меня. Может быть, он единственный на свете меня понимал... И любил – только он. Только он!

И вот вам результат его любви. Меня уже нет. Я смотрю с какой-то неизмеримой высоты... а может быть, из столь же неизмеримой глубины, – смотрю на Григория, который сидит сгорбившись в убогом кабинете с голым, заклеенным на зиму окном, под пыльной лампочкой, напротив слишком молодого служителя правосудия и пытается впарить ему, Фоме неверующему, что не виноватый он, Григорий, в смертоубийстве своей любовницы, будущей жены, что все это мрак и туман, чушь дичайшая, необъяснимая, неожиданная...

А следовательно, аккуратный мальчик с немецкой фамилией, как ему и положено по службе, пытается уверить моего несостоявшегося супруга, что их встреча и беседа вполне естественны и закономерны, поскольку за всяким преступлением неотвратимо должно следовать наказание.

Александр Бергер

25 ноября 2001 года. Город Семенов

– Да не было меня там, не было! Говорю вам, не было! – Высокий русоволосый мужчина стукнул кулаком по столу, но тут же спохватился, что, мягко говоря, не в своем кабинете сидит и имеет дело не с перепуганным его откровенным гневом подчиненным: – Ладно, извините. Вы должны понять мое состояние. Ну какие еще слова нужны, чтобы вас убедить? В двадцать восьмой раз повторяю: я приехал, вошел в дом, увидел ее...

– И вас увидели, – негромко перебил его следователь. Он был молод (только два года назад закончил юрфак университета), нервов себе истрепать еще не успел, а потому говорил очень спокойно и сдержанно, хотя бесконечное переливание из пустого в порожнее могло бы до смерти утомить и разозлить кого угодно. – Вы оставили машину в укромном месте и к дому прошли через огород, тропкой, чтобы вас никто не увидел с улицы, но напрасно. Дом был полон народу, вас засекли с крыльца и задержали, когда вы кинулись назад, пытаетесь скрыться. А впрочем, вы правы: это обсуждается уже не первый раз. Может быть, не двадцать восьмой, как вы изволили выразиться, но не первый и даже не второй. Поэтому не лучше ли все-таки уточнить, как мог принадлежащий вам пистолет, пульей из которого была убита Римма Тихонова, оказаться на тропке неподалеку от ее дачи?

– Можно мне воды? – тусклым голосом попросил мужчина, и следователь открыл крышку на бутылке «Целебной Терской», мельком подумав, что только эта пластиковая бутылка красивого голубовато-зеленоватого цвета и пластиковый же стаканчик выбиваются из целого набора штампов, которыми обставлен весь нынешний разговор. В прежние времена, сколько помнил молодой следователь по кинофильмам, водичку ослабевшему либо желающему выиграть время преступнику наливали в граненый стакан из тяжелого такого графина, причем непременно наливал сам следователь, потому что этот графин, даром что стеклянный, тоже мог бы стать в руках подозреваемого оружием убийной силы. А пластиковая бутылка, к тому же полупустая, – это чепуха. Вполне можно было не ухаживать за этим типом, пусть бы сам себе наливал, а то, вишь ты, выдул почти целую бутылку казенной минералки, да еще налитой чужими руками.

Что же касается прочих штампов... Право слово, можно подумать, что следователь и его собеседник читают «по ролям» какой-нибудь детективчик, продукт досужего и не больно-то изобретательного вымысла, настолько все здесь было вторично.

Уж мог бы, казалось, сочинитель сего детективчика начать свое творение с более острой и оригинальной сцены, чем допрос мужчины, обвиняемого (пардон, пока еще подозреваемого!) в убийстве своей любовницы. И мог бы сей сочинитель обставить кабинет Семеновской районной прокуратуры более комфортно и привлекательно. А то что это за убожество: стол, два стула, облупленный (разумеется!) сейф в углу, с потолка на голом шнуре свешивается лампочка в пыльном, надтреснутом плафоне, голое окно, уже заклеенное на зиму вопиюще-белыми полосками бумаги, облупленный, как и сейф, подоконник без единого цветочка на нем...

С другой стороны, это не оранжерея, чтоб тут цветочки разводить: амариллис в тяжелом глиняном горшке убрали после того, как предшественника нынешнего следователя им чуть до смерти не убил аналогичный задержанный. Вот так же сидел, бормотал что-то в свое оправдание, вот так же водички попросил (из графина!), а лишь только усталый следователь отвел от него взгляд, мужик ка-ак повернулся, ка-ак схватил тяжеленный горшок, шархнул следователя по кумполу, потом швырнул горшок в окно... На что надеялся, непонятно: тре-

тый этаж, ноги бы переломал, если бы успел выпрыгнуть. Охранник вовремя вбежал, заломал строптивца, не дал покалечиться.

Однако «Целебная Терская» подозреваемого, по всей видимости, взбудрила. И уже более твердым голосом он сказал:

– Хорошо, давайте обратимся к элементарной логике.

– Давайте, – покладисто согласился следователь, даже где-то обрадовавшись, потому что именно она, эта самая элементарная логика, просто-таки во весь голос кричала, что убийство совершил не кто иной, как этот красивый мужчина с холодными, нагловатыми глазами, хищным испанским профилем и эффектной проседью в русых волосах и ухоженной бородке. Ровно неделю назад, как нарочно, следователь видел своего теперешнего собеседника по телевизору в престижной передаче «Действующие лица». Григорий Александрович Бронников и впрямь был значительным лицом не только в Нижнем, но и в стране – директор и совладелец, а теперь и фактический хозяин нижегородского книгоиздательского концерна «Бук», который успешно конкурировал на рынке со столичными акулами того же бизнеса.

Помнится, тогда, на экране, волосы его были однозначно русыми, без малейших признаков седины. Или просто ее не было заметно? А может, за два дня в кутузке поседел? И глаза его стали не холодными и наглыми, а покрасневшими и усталыми. Но не растерянными, нет! Он был собран, он был готов бороться за себя до последнего, не надеясь ни на кого. От государственного защитника он отказался – и оперативник его, видит бог, понимал, потому что неопытность и неуверенность в себе были просто-таки аршинными буквами начертаны на лице у дежурившей в тот день молоденькой хорошенькой адвокатши. Бронников небось подумал, что эта телка с куриными мозгами ему больше напортит, чем поможет. Не мог он также рассчитывать и на своего собственного хорошо оплаченного адвоката, который оказался настолько глуп, что позволил себе угодить в больницу с черепно-мозговой травмой, как раз когда его богатый и щедрый клиент совершил преступление.

«Спокойно, – сам себя одернул следователь. – Спокойно. Никакие обвинения еще не предъявлены, поэтому господин Бронников пока не преступник, а всего лишь задержанный на предусмотренные законом десять суток. Мое дело не эмоциям предаваться, а найти неопровержимые доказательства его преступления. Хотя куда уж неопровержимей?!»

– Логика, говорите вы? – произнес он вслух. – Ну, а что может быть логичнее улики, которые имеются против вас?

– Вы Чехова любите, Александр Васильевич? – перебил его вдруг Бронников.

– Нет, – признался следователь, которого, давно пора упомянуть, и впрямь звали Александр Васильевич. Фамилия же его была Бергер. – При чем тут Чехов? А, понял! «Шведская спичка», да?

– Быстро соображаете, – во взгляде Бронникова мелькнула насмешка. – С тех пор как Антон Павлович описал убийцу-растяпу, во множестве детективов глазастые милиционеры или следователи начали находить на месте преступления пуговицы, спички, как россыпью, так и в коробках, недокуренные сигареты, как отечественного производства, так и импортные, как со следами зубов на фильтре, так и испачканные губной помадой (в том случае, если убийца – баба), обрывки конвертов – непременно с указанием имени или даже адреса злодея (честное слово, сам читал такую чушь, вы же знаете, наверное, что у меня в издательстве целая редакция детективной и приключенческой макулатуры) – ну и прочие всякие «полезные мелочи». Но, с моей точки зрения, все это чистая литературщина. Не станет нормальный человек забывать на месте преступления вещь, которая криком кричит о его причастности, о его виновности! – не станет, понимаете? Трижды три все осмотрит, постарается ликвидировать все свои следы, тряпочкой мокрой, а то и в спирте смоченной, протрет мебель, уничтожая свои отпечатки. Если уж только он полная размазня и мямля нервная, шизик, параноик или обкуренный, тогда,

конечно, выложит полный набор вещдоков. Но честно – я напоминаю вам размазну и мямлю? Или шизика обкуренного? Хотя бы отдаленно?

– Честно – нет.

– Ну вот видите. – Красиво очерченные, хотя и немного тонкие губы Бронникова разъехались в издевательской ухмылке. – Тем более удивительно, что я кинул пистолет. Будто наемный киллер, который торопится избавиться от орудия убийства. К тому же вы уверяете, что выстрел сделан именно из моего «вальтера». Какого же черта мне собственный «вальтер» швырять где попало, если через него можно выйти на меня? А вот если предположить, что кто-то, настоящий убийца Риммы, выкрал его и нарочно бросил, чтобы меня подставить покрепче...

– Вы Булгакова любите? – не удержался от мелкой пакости Бергер.

– Да, – кивнул Бронников. – Но при чем тут Булгаков?! А, понял! «Ваш пакетик? – Нет! – ответил Никанор Иванович страшным голосом. – Подбросили враги! – Это бывает, – согласился следователь...»

Бергер посмотрел на собеседника с невольным уважением. Далеко не всякий, нет, не всякий вот так, с места в карьер, сможет процитировать «Мастера и Маргариту». С другой стороны, для поколения Бронникова «Мастер» был в свое время практически настольной книгой, культовой вещью. Вдобавок Бронников босс крупного книжного издательства. Ноблесс оближ, как говорил кот Бегемот из того же «Мастера». Положение обязывает!

Бронникова положение обязывает запереться. А его, Бергера, – изобличать преступника.

– Враги, которые подбросили ваше оружие, оставили бы на нем отпечатки пальцев, как ни тривиально это звучит. А там только ваши отпечатки. Ваши и покойной Риммы Тихоновой.

– Риммы? – Бронников страдальчески свел брови. – Ну, это понятно. Она любила оружие, у нее просто руки от восторга тряслись, когда держала пистолет. – Бронников рассеянно провел рукой по лицу: – Странно. Ее нет в живых только три дня, а я уже привык говорить о ней в прошедшем времени...

– Ну, я полагаю, преступление вы задумали давно и давно подготовили себя к мысли, что убьете свою любовницу, – бросил Бергер, которого донельзя раздражил этот театральный, надуманный, ненатуральный жест Бронникова.

Но тут же он спохватился: не следовало это говорить! Будь у задержанного адвокат, он бы сейчас от следователя Семеновской прокуратуры Бергера А. В. камня на камне не оставил! Во всяком случае, если Бронников вдруг бросится на него с кулаками, Александр Васильевич не очень удивится...

Впрочем, у Бронникова только щека слегка задергалась да голос самую малость подсел:

– А как насчет презумпции невиновности? Ее, надеюсь, еще никто не отменял? Кроме того, насколько я знаком с Уголовным кодексом, всякое сомнение там советуется трактовать в пользу обвиняемого. У вас нет прямых доказательств того, что убил Римму именно я. Так что извольте добавлять слово «предположительно». Предположительно замыслил убийство, предположительно выстрелил, предположительно бросил пистолет...

Никита Дымов

22 октября 2001 года. Нижний Новгород

Родительскую дачу Никита продавал, как государственную тайну агентам заокеанского империализма. С трудом! К примеру, ты обладаешь некоей чрезвычайной тайной, каким-то стратегическим секретом, но толку от него – ноль без палочки, кроме сознания: дескать, вот он – секрет, а вот он – я, его владелец, такой крутой. И больше ничего, то есть совершенно никакой практической пользы. Квартиру на одно сознание не купишь, даже не элитку и не сталинку, а просто приличную халупу. Равно как и машину – самую что ни на есть подержанную. Вообще – одна доука от этого сокровища! Государственная тайна просто-таки прожигает тебе карман, до того хочется ее загнать и положить в этот карман мало-мальски приличную сумму. Уж с нею ты нашел бы что делать, тут и о собственной жилплощади можно было бы помечтать, и об иных прочих радостях жизни – как материальных, так и моральных. Как физических, так, извините за выражение, и химических. Но где отыскать этих самых агентов империализма? Как найти тех, кому можно было бы сказать: «У нас товар, у вас, ребята, купец, так что гоните монету, забирайте тайну и отправляйтесь с нею хоть на Луну, хоть за Пасифик оушн, если вы такие уж заокеанские!» Не станешь же в самом деле давать объявление в газету «Из рук в руки»: «Продам секреты Родины. Недорого». У тебя небось и объявление такое не возьмут, несмотря на то, что у нас сейчас как бы демократия.

Впрочем, тем и отличается торговля недвижимостью от торговли вышеназванными секретами, что объявление: «Продам дачу в Семеновском районе. Недорого» – ни у кого не вызывает никаких эмоций. Ни у приемщиков газетных объявлений, ни у потенциальных покупателей. И то сказать, в октябре сего года подобными объявлениями газета «Из рук в руки» и аналогичные издания были просто-таки перенасыщены. Предложение на два-три порядка опережало спрос, за десять тысяч «деревянных» можно было купить вполне приличный коттеджик не столь далеко от железной дороги. Легко! А вот продать дом за околицей полузаброшенной (из всех жителей остались там спившаяся фермерша и две нелюдимые и бегущие от общения старухи) деревушки, дом, стоящий почти на болотине, от которой по утрам и вечерам поднимаются вреднучие туманы, а до железной дороги чуть не час надобно чапать по вечно, даже и в самые сухие дни, раскисшей тропе... И путь на электричке туда не близкий – полтора часа в битком набитом вагоне, потому что людская масса начинает рассасываться лишь на Линде и в Кезе, а на этой станции под названием Мельница еще и не всякий поезд останавливается...

Но ведь домиком мог заинтересоваться и человек с машиной, которому плевать на железнодорожные превратности! Желательно также, чтобы он обладал при этом и крепким здоровьем, дабы не подействовали на него отрицательно сизые туманы, которые по утрам, в предрассветье, а особенно в лунные ночи напоминали медлительных, задумчивых призраков и будили не столько страх, сколько поэтическое воображение.

А что до соседок, то фермерша, повторимся, спилась, а старушки слегка сдвинулись от вековой заброшенности и теперь воображали, что на дворе – начало шестидесятых, время, так сказать, повторной коллективизации, и к ним вот-вот нагрянут потомки пламенных революционеров с требованием искоренить остатки личной собственности, как-то: двух хрюшек, пятерых куриц и пожилого, усталого петуха. Поэтому они носа из дома практически не высывали, и для человека, алчущего спокойствия и одиночества, лучшего общества (то есть полного его отсутствия) и пожелать было нельзя!

Нет, наверное, Никита хотел слишком много: чтобы попался покупатель и с машиной, и с поэтическим воображением, и с жадой одиночества, и с требуемой суммой в кармане... Честно говоря, он уже и сам начал сомневаться в возможности встречи с таким редкостным

индивидуумом и даже подумывал, не прибавить ли к своему объявлению сакраментальную фразу «Торг уместен», как вдруг однажды вечером раздался звонок.

– Это вы дачу на Мельнице продаете? – спросил серьезный и где-то даже интеллигентный мужской голос, порою заглушаемый характерным треском. Похоже было, что звонили с Автозавода, там вечно какие-то страсти-мордасти на телефонной станции творятся.

– Да, – недоверчиво ответил Никита. Сколько уж было их, этих звонков, даже где-то интеллигентных, но, когда доходило дело до описания дома, а особенно – до цены, интонации все более начинали напоминать базарные. – Да, продаю. Дом двухэтажный, вернее, с мансардой, сад – десять соток, огород – пятнадцать...

– Кошмар, – отозвался мужчина, – пятнадцать соток огорода! Это с ума сойдешь – жуков с картошки убирать.

– А вы не сажайте картошку, – посоветовал Никита, – сажайте морковку да свеклу. Их жуки не едят. Или вообще ничего не сажайте.

– Надо полагать, так вы и поступаете? – поинтересовался мужчина с легким смешком в своем интеллигентном голосе.

– Есть маленько, – признался Никита.

– Значит, огород зарос до стадии джунглей? – Мужчина оказался не в меру проникательным. – А сад в каком состоянии? Яблони у вас какие?

– Пепин шафранный, антоновка, анис. Ну и «звездочка», – не без грусти сообщил Никита, впервые осознав, что, если сделка состоится, он больше никогда не залюбуется облачным цветением этого старого сада, не увидит тугих, глянцевиных яблок, выглядывавших сквозь темную листву раскидистых яблонь и впрямь напоминающих маленькие бордовые звездочки... И цветения сирени больше не увидит. Одно окно выходило прямо в ее заросли, и в мае-июне, когда цвели, сменяя друг друга, разные сорта, можно было умереть от счастья, задохнуться от восторга, расплакаться от этой несказанной сиреневой красоты...

Ну и ладно, ну и в пень, как принято выражаться, надо же ему на что-то жить! Дядюшкино наследство если и привалит, то, как сказали в юридической консультации, только лет через пять. Не раньше. Когда «безвестно отсутствующего» Резвуна Н. А. признают погибшим – со всеми вытекающими последствиями для его единственного наследника. Не в натуре Никиты – еле сводить концы с концами, влачить жалкое существование на хиленькую зарплату театрального художника-декоратора. Такие подарки судьбы, как гонорар за оформление «Барбариса», выпадают, увы, крайне редко. Продажа дачи даст ему возможность продержаться какое-то время, несильно бедствуя, так что... простите, сирени и яблони!

– А как бы вашу дачку поглядеть? – осведомился мужчина.

– Да ради бога. Хоть завтра!

– Завтра? – Он замялся, и Никите даже послышалось, что он с кем-то быстро перемолвился. Второй голос был тоже мужской, но ни слова Никита не различил. – Ой, нет, – спохватился покупатель, – завтра я никак не могу.

– А послезавтра? – почти с отчаянием спросил Никита, потому что завтра и послезавтра были последними условно свободными днями в обозримом будущем: накануне сдачи был спектакль, который он, по своему обыкновению, затянул до неприличия, и счет тому сроку, когда на него обрушится неумолимая кара главрежа, шел уже не на дни, а даже на минуты.

– Да и послезавтра тоже... – нерешительно протянул мужчина, а потом вдруг воскликнул: – А впрочем, согласен. Где встречаемся? Когда?

– Наверное, лучше всего на вокзале? – предложил Никита. – Скажем, около расписания пригородных поездов. Лучше поехать пораньше, на восьмичасовой электричке, на семеновской. Сейчас народу не больно-то много, сезон окончился. К тому же будний день. Вам это не слишком рано?

– Слишком, – весело ответил мужчина. – Встретимся в одиннадцать, не раньше. А вам непременно охота ехать на электричке?

– Можно и на автобусе, – покладисто ответил Никита. – Но я расписания не знаю.

– А как насчет автомобильного транспорта?

– Ну... моя машина сейчас в ремонте, – солгал Никита, у которого машины вовсе не было. Раньше была, отцовская. Но раньше у них много чего было: и машина, и квартира четырехкомнатная в «дворянском гнезде» на улице Горького... Да что проку вспоминать!

– Зато моя на ходу, – жизнерадостно сообщил его собеседник. – На ней и поедem, договорились?

И они договорились.

Иннокентий Сироткин

15 июня 2001 года.

Дачный поселок Бурьяны Арзамасского района

– Кеша, угомонись, – ласково сказал он. – Ну дохлое дело, Кеша, пора понять! Не ерпенься, я тебя умоляю...

И улыбнулся терпеливо, понимающе, участливо. Глаза у него при этом были усталые, но тоже исполненные терпения и понимания.

Никогда Иннокентий Сироткин не видел у своего старинного друга таких глаз, не слышал такого голоса. Всегда он был под стать своей фамилии – резкий на слово, резвый в мыслях и движениях, стремительный, как бы звенящий, бряцающий оружием при каждом шаге. Говорил коротко, точно, в глаза не смотрел, а взглядывал, словно на курок нажимал, ну а если уставится пристально, задумчиво – это беда: возникало ощущение, что он выцеливает жертву, медленно ведет вслед за нею ствол пистолета с навинченным на него глушителем. Черт его знает, почему именно эта ассоциация возникала у Сироткина, когда он видел этот оценивающе-прицеливающийся взгляд у своего старинного друга.

Да, они и впрямь могли называться старинными друзьями, ибо знакомы были лет сто, не меньше, еще с институтских времен, когда вместе перепечатывали на машинке, а потом втихую распространяли исключительно среди своих, проверенных и доверенных, диссиду, и запрещенного Замятина – штучку покрепче любой диссиды, и Солженицына, и массу прозы подобного рода, в которую самым причудливым образом порою затесывались неприличная «Лолита», стишки Баркова, «Заветные сказки» Афанасьева и прочая, и прочая, и прочая, извините за выражение, эротика, где всякая часть человеческого тела называлась своим настоящим именем, и это безумно будоражило, гораздо сильнее политических филиппик Солженицына и Максимова.

Потом они втроем (потому что у Иннокентия Сироткина было два закадычных друга) враз кинули на стол директору гибнущего проектного института, в котором маялись по распределению, заявления об уходе и одними из первых в Нижнем ударились в книжный бизнес. Во Дворце спорта, в парке имени Ленинского комсомола, позднее названном просто и скромно – Швейцарией, топтались над стопками бестселлеров (в ту пору книжного голода всякое новое издание было бестселлером, поскольку шло на ура), мотались на перекладных в Москву, на книжный клуб в «Олимпийском», возили тяжеленные сумки, тележки, потом смогли позволить себе нанимать машину, потом купили «Газель» одну на троих: к тому времени у них уже был крохотный офис и прочно забитые местечки как в «Олимпийском», так и в самом Нижнем. Вскоре они ворочали целыми тиражами: брали у провинциального издательства (в ту пору еще не все они ликвидировались как класс и печатали не по 5–10 тысяч, а по 200, 300, даже по полмиллиона книжек зараз!) тираж какой-нибудь там «Анжелики», или «Приключений Рокамболя», или Алистера Маклина, или безумно популярного Чейза на реализацию и садились на телефон, продавали товар с предоплатой в отделения «Союзпечати», книготоргам или таким же, как они сами, книготорговым посредническим фирмам, которых расплодилось великое множество. А деньги издательствам выплачивали потом, когда прокрутят не раз и не два... иногда и вовсе не выплачивали, такое случалось, когда они доподлинно знали, что ждущие от них денег вот-вот накроются большим медным тазом. Кидали, короче, как могли. Случалось, кидали и их, но постепенно приятели поняли, что закон теперь на стороне сильного, и не стеснялись посылать вышибал к недобросовестным плательщикам. Первым у них был такой Егорушка Малышкин аж из Южно-Сахалинска. К нему поехали два наемника – «афганца», Коля и Вова, профессиональные тестомесы, умеющие с разгону взбегать на стены, – и оста-

вили вместо Егорушки выжатый лимон. А деньги привезли в чемоданчике. Потом таких случаев было множество, но этот – самый первый, он вселил веру в удачу, оттого и запомнился. Постепенно Резвун, Сироткин и Бронников прославились как мужики, которые умеют за себя постоять и спуска никому не дадут. За все то время их самих качественно кинули только раз – и то по форсмажорным обстоятельствам. Это случилось, когда они еще в 92-м году дали оглушительную промашку и загнали десять тысяч «Кавказских сказок» в злополучный город Грозный... Комментарии излишни?

Обиднее всего, что сказки эти были их собственной продукцией. Да, к тому времени они уже издавали книги, начав именно со сказок, потому что они расхватывались, как горячие пирожки. Издательство их называлось «Реброс» – такая звучная аббревиатура: Ре-звун, Бронников и С-ироткин. Однако находились шутники, которые позволяли себе глумливо поинтересоваться: «Чье-с ребро-с?» Название они сменили, конечно, не из-за этих шутников: пора пришла побегать от налоговиков, перерегистрируя фирмы то в одном районе города, то в другом, в эти игры они тоже играли!

Господи боже, да в какие только игры они не играли, на чем только денежку не наваривали, пока не возник «Бук» (не дерево – бук, а книга – book, название четкое, емкое и интеллигентное) – издательство с собственной полиграфбазой в виде бывшего «Нижполиграфа», который удалось подгрести под себя, и теперь с ними уважительно разговаривали даже крутые мэны из столичного «ЭКМО», ну а всякие провинциальные «Фениксы» общались исключительно с придыханием. И всегда они были втроем, всегда вместе, всегда рядом, и настолько все между ними было крепко, надежно на зависть другим, тем, кто подставлял ножку своим компаньонам, отстреливал их, «заказывал», что люди диву давались. Честно, Сироткину и самому такая прочность отношений порой казалась чем-то необыкновенным! Ведь десять лет, десять лет вместе. Они выросли друг в друга, они знали друг друга наизусть, казалось, могли наперед предсказать каждый шаг, каждый поступок, они стали почти как братья... Но испокон веков жила старинная приговорка: «Кто тебе выколол око? – Брат. – То-то столь глубоко!» Именно ее вспомнил Сироткин сейчас, глядя в новое, незнакомое лицо человека, бывшего ему как бы братом – другом и братом, слушая его новый, приветливый, смертельно-убедительный голос:

– Ты должен это сделать. Тебе просто ничего не остается, понимаешь? Иначе...

И он чуть кивнул в сторону соседней комнаты. Там, за плотно запертой дверью, таилась смерть. Медленная, мучительная, неотвратимая.

Иннокентий медленно повернул голову и посмотрел на эту дверь. Парень с косою темнорусой челкой, одетый в грязно-серую футболку, – тот, который приволок его сюда и был, само собой, пособником в преступлении, – надежно заткнул все щели тряпками. Палачи сами боялись плахи, на которую готовились возвести жертву, и по спине Сироткина снова и снова потекли струйки ледяного пота. Стоило только представить, что станет с ним за неделю... Тем особым зрением, которое проявляется у некоторых особенно чувствительных натур в минуты смертельной опасности, он заглянул в будущее и увидел себя сломленным, сдавшимся.

Да, он сдастся, но будет уже поздно. Он дойдет до состояния, когда согласится на все, чтобы только спасти собственную жизнь, но в это время его организм уже окажется непоправимо разрушен. И согласием он выкупит не спасение от смерти, а лишь незначительную отсрочку!

В то время как теперь... Только взять ручку и подписать несколько отпечатанных на принтере страничек! Больше ничего!

– Слушай, а где гарантии, что ты от меня после этого отстанешь? – безнадежно спросил он. – Что не потребуешь, к примеру, возврата ссуды, и вообще?.. Где гарантии, что не решил обобщать меня до нитки?

– Ради бога, Кеша! – воскликнул «друг и брат», изумленно, светло улыбаясь. – Зачем, ну сам посуди, зачем мне это? Я хочу только то, что прошу, а все остальное так у тебя и останется.

Можешь поверить и не беспокоиться: я забочусь только о будущем, а прошлое меня не волнует. Все, что было в прошлом, в том числе эта несчастная ссуда, – все твое.

– Скажи мне одно: знает об этом Саныч? – исподлобья поглядел Иннокентий. Это было отчество третьего компаньона, именно так его близкие и звали, а вовсе не по имени или фамилии. Смешнее всего, что они все трое были Александровичами: Иннокентий Александрович, Григорий Александрович, Николай Александрович (одна из их фирм-однодневок так и называлась «Саныч»), однако прозвище это прочно приклеилось только к одному из них, самому старшему, умному, хваткому. – Это вы вдвоем измыслили или все тут – твоя личная инициатива?

«Друг и брат» мягко улыбнулся:

– А ты сам подумай, решился бы я на такое дело сам-один? Конечно, знает! В конце концов, он же все уже подписал, один ты дергаешься. Подписал – и спокойно уехал в отпуск. Отдыхает сейчас на бескрайних иорданских просторах.

Иннокентий отвел глаза. Да, Саныч подписал все эти бумаги. Он так же, как друг и брат, любил крутую игру. Особенно сейчас, когда постепенно становилось модным быть порядочными, законопослушными дельцами. Если честно, то Иннокентий Сироткин стремился к этому с первого дня создания их первой фирмы. Но тогда, в начале 90-х, быть законопослушным негодяном значило пустить себе пулю в лоб, перерезать вены, шагнуть с табурета с петлей на шее, сунуть голову в газовую духовку и выпить несметное количество тазепама, причем проделать все это одновременно, враз. Но теперь ситуация изменилась, и изменилась очень сильно. Почему бы не измениться им самим? Почему бы не зажить, как и подобает порядочным буржуям, получая законную прибыль, платя законные налоги?

Нет, Сироткин, конечно, не дошел до такой степени альтруизма, чтобы вообще восстать против «черного нала». Это глупость. Но содрогания в виде учреждения дочерней фирмы по продаже земельных участков и замораживания прибыли... Он сопротивлялся, как мог, да что проку в его сопротивлении? Еще вчера он дал бы в морду человеку, который предсказал бы ему события сегодняшнего дня. Но что, если Саныч и вправду подписал бумаги и уехал в отпуск, наверняка зная или догадываясь о том, какими методами будет убеждать Сироткина «друг и брат»? Умыл руки, так сказать. А почему нет? Если его продал один из тех двоих, которым Сироткин верил как самому себе, даже больше, чем самому себе, почему не может продать и другой? Но как же им потом жить, как работать дальше?

– Я должен подумать, – выговорил он хрипло.

– Да ради бога, – пожал плечами друг. – Сколько угодно. Пока не надоест. Только вон в той комнате.

И он опять кивнул на дверь, за которой таилась смерть Иннокентия Сироткина:

– Открыть?

Сироткин устало качнул головой:

– Не надо.

Похоже, делать нечего. Придется подписать эти клятые бумаги, потому что «друг и брат» уперся тупо, несходно, как сумасшедший.

Сумасшедший... Не в этом ли ответ? Что, если он и впрямь спятил? Конечно, конечно, ведь требования его совершенно безумны! Только безумец не способен дотумкаться, что, стоит Иннокентию выбраться отсюда, он немедленно скроется, уедет из города, чтобы обезопасить себя, и оттуда, из какого-нибудь тихого местечка, откроет процесс против бывшего компаньона, который под страхом смерти вынудил у него эту губительную подпись. Странно, что «друг и брат» не понимает такой очевидной вещи. Всякому разумному человеку было бы ясно...

Но так ведь это разумному! А Иннокентий явно имеет дело с психом. Поэтому очень возможно, что Саныч в эту грязь и впрямь не замешан. Подписал бумаги – и подписал. Запро-

сто может быть, что он сделал это, дабы отвязаться от «друга и брата» с его навязчивой идеей. Надеялся, что Сироткину удастся ему противостоять. Но тот не смог. А кто смог бы? Нет, этот парень все-таки спятил. Определенно. Грозить смертью своему компаньону – и ради чего?!

– А когда я подпишу, что ты со мной сделаешь?

– Совершенно ничего, – ответил «друг и брат». – Выйдешь отсюда, сядешь в машину и уедешь восвояси. И делай сам с собой что хочешь, ты будешь вольная птица.

– В чью машину я сяду? – спросил Иннокентий.

– В свою, в чью же еще? – озадачился «друг и брат».

– Нет, спасибо. Мало ли что ты там мог с тормозами проделать! Или подсунул что-нибудь. Я возьму твою тачку, понял? Уж в свою ты точно мину не подложил. Оставлю ее на стоянке около издательства, потом заберешь.

– А, понял! – резво закивал «друг и брат». – Боишься, что, получив бумаги с твоей подписью, я тебя потороплюсь спровадить на тот свет? Да ну, зачем же так? А впрочем... – Он усмехнулся своей обаятельной, опасной улыбкой. – Конечно, у тебя есть повод считать меня ну очень большой сволочью. Ладно, считай кем хочешь, только давай с этим, наконец, покончим.

Иннокентий стиснул губы и взял протянутую ему авторучку. Вечное перо, как писали в старинных романах. «Друг и брат» терпеть не мог шариковых ручек, писал только вечными перьями, из-за чего слыл в своих кругах пижоном. Вообще он коллекционировал авторучки и собрал их чертову уйму. Знакомые, особенно те, кто хотел приобрести особое расположение «друга и брата», дарили ему или привозили из-за границы только авторучки, авторучки, авторучки... Постепенно он и компаньонов приучил подписывать все мало-мальски важные и значимые документы «Реброта», «Саньча», «Трех товарищей», «Книжного мира», «Трех купцов» и, наконец, «Бука» именно авторучкой.

«А ведь, похоже, я в последний раз ставлю подпись на нашем фирменном бланке», – отрешенно, без малейшей грусти подумал Сироткин, разглядывая изогнутую в форме лука, изысканно-черную «Серенитэ Вотерман». Перышко из золота не меньше чем в 18 карат, отделка родиевая, держатель из цельного серебра. Долларов на восемьсот тянет такая игрушка... Ну что же, приятно собственный приговор подписывать ручкой баснословной цены! Сироткин быстро расписался на всех трех экземплярах каждого документа: протокола общего собрания учредителей ЗАО «Бук» насчет открытия дочерней фирмы, учредительных документов этого нового ЗАО под названием «Бук-Пресс», протокола собрания о продаже земельных участков, принадлежащих первому «Буку»...

Зачем нужно было подписывать этот протокол, Сироткин понять не мог. Ведь сначала должна была образоваться фирма «Бук-Пресс», в нее уйдет 51 процент активов, спрятанных от налога на прибыль. И только потом можно будет продать участки, составляющие львиную долю активов оставшегося «Бука». Куда спешить? Эти бумаги можно было подписать позже! Видимо, «друг и брат» решил воспользоваться случаем и ковать железо, пока горячо, – вообще все железо разом выковать, собрать все подписи до кучи. Чтобы потом Сироткин из чистой вредности никак не мог помешать воплощению этих наполеоновских замыслов.

– Могу идти? – спросил он, опуская глаза, чтобы не видеть довольнехонькой рожки напротив. Взрослый мужик, полтинник разменял, а так и не научился скрывать своих чувств. Хоть бы постыдился человека, которого так опустил!

Главное, вот же бесовское обаяние у этой сволочи. Он угрожал тебе смертью, он вынул твою душу, он унизил тебя, а твой рот все равно непроизвольно расплывается в ответ на эту стремительную, как вспышка молнии, улыбку. Что поделаешь, устойчивые рефлексy многолетней дружбы и братства.

– На посошок? – гостеприимно предложил «друг и брат», открывая бар.

– Спасибо большое, – раскланялся Сироткин. – Черт тебя знает, что ты мне плеснешь. А впрочем, наливай. Страховка – твой «Линкольн». Уж свою тачку ты мне угробить не дашь.

– Для хорошего человека ничего не жалко, – хмыкнул «друг и брат». – Но ты прав: за рулем надираться не стоит. Возьми вон сигарку – и с богом.

«Друг и брат» достал из металлического тубуса красивую, как сказка, шоколадного цвета «Ромео и Джульетту Черчилль». Она и впрямь была толстенная, как те сигары, которыми не переставал чадить знаменитый мистер Уинстон. Ну да, фирма веников не вяжет, «друг и брат» ничего не курит, кроме коллекционных сигар, которые надо не из коробки доставать, а из отдельного тубуса. Пижон – он пижон и есть! Непременно ему надо выставиться – даже перед тем, кого только что уделал почем зря. Логично было бы подмокшую «Приму» сунуть опущенному тобой человеку, нет же – дороженную, ручной сборки сигару презентовал! В своем роде такое же произведение искусства, как «Серенитэ» с золотым перышком.

Иннокентий сигар не любил, но с паршивой овцы хоть фэйф-о' – клочок. Сунул сигару в рот, с каким-то прощальным, губительным наслаждением ощутив горьковатый, изысканный вкус, вдохнув возбуждающий дымок.

Разумеется, благодарить не стал. Больше не взглянув на бывшего друга и компаньона, вышел из дому, спустился с широкого крыльца.

Парень в серой футболке, несостоявшийся палач, выбрался из «Линкольна», которого как раз подогнал прямо к ступенькам.

– Бак полный, – доложил хозяину, не глядя на бывшего узника.

Сироткин сел за руль, проверил «бардачок». Слово это никак не вязалось с линкольновской кожаной роскошью, но некий ящичек для хранения документов и разной мелочи все же имел место. Там лежали доверенности на вождение этой дороженной колымаги, выписанные «другом и братом» на двух других его компаньонов. Ну да, у них же как бы все было общее: фирма, машины, деньги...

Ага! Держи карман шире!

Сироткин дал газу, изо всех сил удерживаясь, чтобы не глядеть в зеркальце заднего вида, не видеть фигуру, машущую с крыльца. Только сейчас его накрыла, будто тяжелая туча, безысходная злость. Во рту появился омерзительно-горький привкус – может, от сигары, не зря он не любил сигар. Хотел выплюнуть эту гадость, но, сам не зная почему, вцепился в нее зубами еще крепче, так, что челюсти заломило.

Взять, что ли, да шарahnуть «Линкольн» обо что-нибудь этакое, железобетонное? Деревце покрепче тоже сойдет. Помять крыло, багажник изуродовать. Пусть хозяин выложит побольше денежек, выправляя. А впрочем, машинка застрахована на безумную сумму от всех и всяких неприятностей. Ну ни с какой стороны эту сволочь, «друга и брата», не уцепишь!

Тьфу, до чего же погано в этом салоне, сделанном по спецзаказу... Омерзительный багровый оттенок кожи, будто кровью все залито. Запекшейся кровью... Ну и вкус у того, кто этот дизайн выбрал!

А ссуду теперь он им хрен вернет. Сто тысяч «зеленых» на покупку нового дома – это тоже не кот начихал. Ссуду Сироткин просил пол – «лимона», но прошла только одна первая выплата, не даст «друг и брат» больше денег компаньону, которого выдавил из фирмы. Значит, не будет и дома на волжском откосе, о котором он так мечтал.

Да что дом!.. Главное – за что его так ломали, почему?! Стоило вспомнить страх смерти, который скручивал его в течение трех дней, что он провел на этой дачке в далеком поселке, как от унижения начинались натурально рези в желудке.

Неужели новое ЗАО стоило почти совершенного убийства? Нет, все-таки этот тип спятил, определенно спятил!

Безысходность накатывала на сердце, как боль. Почернел день: погода портилась или просто от сознания собственного бессилия темнело в глазах? Сироткин тупо скользнул взглядом по небу и ничуть не удивился, обнаружив, что оно меняет цвет. Только что было голубым,

только что белые облака бесились в вышине, неслись, одно обгоняя другое, а сейчас облака стали темно-красными, а на небо кто-то плеснул зеленью.

«Я пьян? – смятенно подумал Сироткин. – Нет, я не пьян, я же не стал пить коньяк, я только курил. Значит, это не пьяный бред, это все правда!»

Зеленое небо, это ж надо... Чудеса! Почему зеленое? А, понятно. Оно поменялось колесом с зубчатым лесом, окаймлявшим дорогу! А лес стоит загадочный, впроголубь, это что же за порода древесная имеет такой оттенок листвы? О, все понятно, деревья не сами собой так поголубели – их красят из пульверизаторов мужики с косыми челками и в серых футболках, один в один схожие с тем, виденным совсем недавно... где?

Сироткин почему-то не мог вспомнить. Да оно и не важно было. Важно было другое: один из этих мордovorотов взял да и направил пульверизатор на «Линкольн»! Прямо в лобовое стекло! Как же Сироткин поедет дальше? Если краска зальет стекло, ничего не будет видно!.. И он резко вывернул руль вправо, пытаясь уйти от ядовито-голубых брызг.

Широкий ствол березы метнулся вдруг навстречу, дурашливо всплескивая ветвями, оглушительно захохотал. И рассыпался вместе с остальным миром на сверкающие осколки.

Грохот взрыва долетел до коттеджа с высоким крыльцом, на котором до сих пор стояли двое.

– Типа о-па! – сказал парень в серой футболке. – Не успела старушка...

– Быстро управился! – покачал головой тот, кого покойный Сироткин столько лет считал другом и братом. – Я и не ждал, чтоб так быстро...

Вид у него был слегка растерянный. Все-таки сейчас погиб тот, кого он столько лет считал братом и другом. Растеряешься, наверное!

Никита Дымов 24 октября 2001 года. Нижний Новгород–Мельница

Из голубой «Волги» выглянул светловолосый парень и спросил:

– Это вы Дымов? Тогда мы вас ждем.

Никита с трудом сдержал ухмылку: а дядька не без юмора! «Мы вас ждем», главное дело. «Волга» только сей момент подъехала, а Никита топчется на остановке возле кинотеатра «Спутник» уже добрых четверть часа. Даже приуныл несколько, решив, что потенциальный покупатель беспардонно его кинул.

– Садитесь.

Задняя дверца распахнулась, Никита забрался внутрь.

Водитель обернулся, сунул ему руку:

– Я вам звонил. Костя меня зовут.

– Никита.

На переднем сиденье – еще один мужчина. Широкие плечи обтянуты черным кожаном, на голове – седоватый «ежик».

– Это Эдик, – сказал Костя. – Он со мной.

Эдик, надо же! Никита вдруг очень живо вспомнил мальчишку из детсада, с которым когда-то ходил в одну группу. Славный был мальчишка, замечательно лепил из песка башенки. Рядом с детсадом была школа, и вот как-то большие пацаны, из класса, наверное, пятого, а может, и седьмого, услышав, как воспитательница окликает Эдика, вдруг хором заорали: «Эдик-педик!» – и никак не могли успокоиться. Чуть не каждый день они потом приходили и вопили за забором, хотя в этом смешном прозвище не было для детсадников ничего особенного. Ну что вы хотите, это же происходило почти двадцать лет назад, даже воспитательница делала большие глаза и мямлила: «Какие глупые мальчишки, ну что они пристали к Эдику, ведь он не учился в пединституте. За что же его называть педиком?» Невинная старушка, святая душа...

Ну не знали в ту пору страшного и позорного смысла этого слова, и потаенного значения голубого цвета не знали, что поделаешь, такие вот были тогда времена сексуально не пуганных идиотов. Дальнейшей судьбы своего одноклассника Никита, само собой, не ведал, как, впрочем, не представлял, какова была ориентация этого нового Эдика. Да фиг ли ему в той ориентации? Главное, дачку толкануть!

Между тем Эдик и головы своей кучерявой, седоватой не повернул к Никите, только еле заметно кивнул, неотрывно глядя вперед. Ну и ладно. Может, у него обострился хондроз, в шею вступило, кто знает!

«Волга» тронулась, лихо развернулась, подрезав какую-то маршрутку, и понеслась вниз, по Алексеевской, к Звездинке.

– Как думаете, за пару часов обернемся? – озабоченно спросил Костя, даже не позаботясь притормозить на пересечении с пешеходной Покровкой. – У меня дикий цейтнот.

– У меня тоже, – сказал Никита. – Но за два часа... Не уверен. Как дорога будет. И там же надо все посмотреть, верно?

– Да чего особенно смотреть? – хмыкнул Костя. – Могу себе представить эту халупу. Но жинке вынь да положь дом на Мельнице. Она когда совсем девчонкой была, у них там рудня какая-то жила, в деревушке этой, ну и вдруг на старости лет разыграла такая ностальгия, что невтерпех.

Никита задумчиво посмотрел в подбритый затылок водителя. На вид ему не больше тридцати, надо думать, и его жене примерно столько же. Даже с точки зрения двадцатитрехлетнего Никиты, до старости еще далеко.

– Я уж ей предлагал дачку и в Линде, и в Киселихе, даже домик в Рекшино почти сосватал – нет, ее заклинило на этой Мельнице, ни о чем другом слышать не хочет, – оживленно рассказывал Костя, проскочив под самым носом трамвая и устремляясь вниз по Егорьевскому съезду, к первому мосту через Оку.

– Места у нас там отличные, грибов в этом году было – страшное дело, – отозвался Никита, радуясь, что Костину жену так прочно «заклинило на этой Мельнице». Честно говоря, родительскую избенку за требуемую сумму только и можно толкнуть какому-нибудь фанату этих мест. В данном случае – фанатке.

– Грибы? – передернул плечами Костя. – Терпеть не могу грибы. У нас, помню, соседи траванулись грибами лет десять назад – целая семья померла, вся оптом. С тех пор я на грибы и глядеть не могу. Кому охота вот так, за здорово живешь, в ящик сыграть?

– Конечно, – вежливо пробормотал Никита, невольно зажмурясь, когда автомобиль совершил тройной обгон и на полном ходу влетел на волжский мост. Внизу, по путям, громышал состав. Мост ощутимо качало. – Запросто... в ящик.

– Не каркай, – раздался тяжелый, деревянный какой-то голос с переднего сиденья, и Никита не сразу понял, что это отверз уста Эдик. Потом он протянул руку и включил радио. И больше уже никто не произнес ни слова, потому что Эдик врубил звук на полную мощность и соперничать с «Радио-рандеву» означало зря сорвать голос.

Привыкнув к стереотипам насчет быстроходности импортного и тихоходности нашего автотранспорта, Никита был приятно удивлен. «Волга» летела на ста двадцати, только на Бору и в поселке Октябрьском слегка, словно бы из вежливости, сбросив скорость; идиллические картины золотой осени по обе стороны дороги слились в непрерывное мельканье красного и желтого с редкими промелками зеленого (сосняки да ельники) и темно-бордового (грушевые сады). Никита не успевал смотреть на дорожные указатели: Рекшино, Киселиха, еще какая-то поселковая мелкота, вот поворот на Линду, вот Кеца, Тарасиха...

– Как бы до Соложенок, а то и до самого Семенова не проскочить, – выкрикнул он озабоченно, пытаясь перекрыть трагическую скороговорку Леонтьева: «Танго, танго, это танго, танго...», но в эту минуту Эдик выключил радио, и Никита, как дурак, проорал в полной тишине: – Я автомобильную трассу плохо знаю. Вроде бы справа будет такой приметный дуб у дороги, а за ним сразу проселок.

– Есть дуб! – дурашливо завопил Костя. – Поворачиваем?

– Рискнем! – в тон ему ответил Никита.

«Волга», свистя шинами, резко повернула на проселочную дорогу и вдруг неконтролируемо понеслась, виляя из стороны в сторону. Костя припал к рулю, пытаясь обуздать разошедшуюся машину.

– Тормози! – утробно завопил Эдик, с маху опуская тяжелую ручищу на плечо Косте, да так, что тот совсем рухнул на руль и, видимо, рефлекторно еще больше увеличил скорость вместо того, чтобы затормозить.

Никиту швырнуло влево, вправо с такой силой, что он даже не успел схватиться хоть за что-то. Запахло паленой резиной. Послышался страшный мат Эдика. По счастью, до слуха долетали только какие-то обрывки, заглушенные визгом тормозов. Потом последовал бросок вперед, от которого смерклось в глазах, рывок назад. Распятый силой инерции, Никита бесильно привалился к спинке сиденья. Потом вдруг стало тихо и как-то свободно. И хоть не сразу, не вдруг, но все же до Никиты дошло, что распоясавшаяся «Волга» угомонилась – стоит наполовину на дороге, наполовину заюзив в кювет.

Неподвижно стоит. Фигурное катание по проселку кончилось.

Несколько мгновений все сидели тихо, потом Костя полупрошепотно, но вполне отчетливо сообщил, что он думает о проселочных дорогах вообще, а об этой – конкретно. В ответ Эдик, отнюдь не понижая голоса, информировал приятеля о его водительских качествах. Никита только и мог, что зажмурился: такого подбора слов он, пожалуй, никогда не слышал... А Костя даже как-то приободрился.

– Ну живы да и ладно, – весело сказал он. – Надо лучше под ноги глядеть – и все будет хоккей, верно? Поехали дальше, что ли?

– Поехали, поехали, – живо отозвался Никита, уже начавший побаиваться, что потенциальные покупатели сейчас сделают поворот налево кругом. – Осталось-то всего ничего.

Однако поехать вот так сразу не получилось. «Волга» нипочем не пожелала выезжать из кювета, в котором, судя по всему, чувствовала себя вполне комфортно.

– Толкните, мужики, – попросил наконец Костя. – Ну что проку зря сцепление рвать?

Эдик неуклюже полез наружу.

– На, – сказал Костя, вынув из-под сиденья монтировку и подавая ему. – Да смотри поаккуратнее там. Не запачкайся.

– Ладно, в первый раз, что ли? – деловито буркнул Эдик, а Никита, помнится, еще удивился: зачем монтировка? Вместо ваги под колесо? Ничего себе, только шину помнет, а больше проку никакого не будет. Но, наверное, Костя и Эдик знают, что собираются делать?

Вот именно! Они очень хорошо это знали!

– Иди, Никитка, поможешь, сколько успеешь, – велел Костя, обернувшись к заднему сиденью и светло улыбаясь.

Никита покорно выбрался на пожухлую, но все еще зеленую траву, обошел «Волгу» сзади, уперся ладонями в багажник и с усилием начал толкать. Эдик тоже сначала толкал, потом вдруг засопел и выпрямился.

– Арбайтен, арбайтен, – сказал он почему-то по-немецки. – Старайся давай!

Никита натужился, надал – но перестарался. Слишком много сил вложил в руки, вот ноги и потеряли опору. К тому же трава была еще упругая, скользкая. Подошвы поехали назад, и Никита рухнул на колени, только чудом не расквасив нос о багажник. И в тот самый миг, когда он мысленно ужаснулся, представив, как хорош был бы с разбитой физиономией, рядом с его головой в крышку багажника врезалась монтировка.

Александр Бергер 25 ноября 2001 года. Город Семенов

Голос Бронникова по-прежнему был только усталым, без малейших признаков истерии. И Бергер снова невольно восхитился его способностью мгновенно овладевать собой. Нельзя было не согласиться, что задержанный правильно намекнул следователю на необходимость быть профессионалом на своем месте. Презумпция невиновности – оно конечно... Другое дело, что у Бергера оставалось все меньше сомнений в виновности этого человека. Конечно, свидетелей преступления не имелось, но история криминалистики знает сколько угодно случаев, когда всходили на эшафот, садились на электрический стул, шли под расстрел или обрекались на пожизненное заключение люди со значительно меньшим количеством косвенных доказательств, чем этот расчетливый убийца.

– А вот, кстати, о третьем лице, – продолжил Бронников. – Почему вы не допускаете, что он мог протереть руки спиртом, прежде чем взялся бы за пистолет? На небольшое время это как бы затемняет отпечатки пальцев, в смысле сушит жировые выделения. Я читал в каком-то журнале. А еще читал, что руки можно покрыть таким составом, который образует на них этакую пленочку. То есть человек берет пистолет, но как бы находится в перчатках. И никаких отпечатков.

– Конечно, – согласился Бергер. – Однако прикосновение пленки стирает другие отпечатки. В частности, были бы полустертые ваши и Риммы Николаевны отпечатки на рукояти, на стволе, на курке. Они же на диво отчетливы.

– У меня такое впечатление, что вы заранее уверены: я – самый удобный кандидат под статью, потому что это третье лицо и не ищите. Зачем лишние хлопоты?

Бергер пожал плечами:

– Вы вправе предполагать все, что угодно. А я, например, предполагаю, что третьего лица в природе не существует. Пистолет и в самом деле держали в руках только вы и Римма Тихонова. Вы же и произвели из него выстрел. Она сидела в кресле около журнального столика и редактировала рукопись. Как обычно, взяв с собой на дачу работу. Конечно, она не ожидала, что вы подойдете и выстрелите ей в висок. Предполагаю, вы и сами не ожидали такого страшного зрелища: брызнувшая кровь, агония... У вас сделался как бы шок, все-таки самолично вам убивать людей еще не приходилось, к тому же перед вами лежала не чужая, мягко говоря, женщина. Вы бросились прочь из дому, к своей машине, и, может быть, непроизвольно отшвырнули пистолет или выронили его на бегу.

– Но почему я потом, очухавшись, не вернулся подобрать оружие? – глухо спросил Бронников. – Это же смертельная улика!

– Вы и вернулись. Только гораздо позже. Ближе к ночи. Если бы соседка не пришла к Римме Николаевне посмотреть свой любимый сериал, как делала это каждый вечер, не обнаружила бы убитую и не вызвала милицию, вы вполне могли бы вернуться за пистолетом и уйти незамеченным. Но... не удалось. Не получилось.

– Зато у вас как-то больно уж гладко все получается! – подался вперед Бронников. – Честное слово, если бы дело происходило не наяву, а в каком-то детективе, из тех, что во множестве печатались в моем издательстве, я бы сказал, что у автора фантазия бедновата. Сразу, с первой же страницы, вывалить на бедного читателя такой ворох непровержимых улик можно только при полном неумении развивать интригу. Хотя нет, это делается в двух случаях: при полном, повторюсь, непрофессионализме – или в том случае, если эти так называемые непровержимые улики в ходе расследования будут опровергнуты. К вящему изумлению читателя

– а частенько и самого уголовного розыска. Не боитесь, что такое обязательно случится и в данном конкретном детективе?

– Почему я должен бояться? – пожал плечами Бергер. – Напротив, буду рад, ежели вдруг вскроются обстоятельства, подтверждающие вашу невиновность. Другое дело, что и я вправе предполагать: они не вскроются. И суть здесь не в моем преступном пренебрежении служебными обязанностями или нежелании отыскивать обеляющие вас обстоятельства. Допускаю, что в тех детективах, о которых вы изволили упомянуть, автор держит про запас главных виновников, а также основные причины преступления. Допускаю. В вашем же случае, увы, все ясно. Все предельно ясно уже теперь!

Возможно, Бронников не понимал, отчего это следователь вдруг заговорил такими округлыми и в то же время высокомерно-высокопарными фразами, совершенно несвойственными его обычно суховатой, сдержанной речи. Может быть, Бергер решил, что сегодняшней допрос следует закончить именно вот на такой высокомерно-издевательской ноте, чтобы как можно доходчивее выразить свое презрение к задержанному? Да, Бронников вполне мог подумать именно так. Однако отчего же вдруг пересохли его напрягшиеся губы, а виски заблестели от легкой испарины? Бергер наблюдал за ним со всей пристальностью, он не сомневался, что Бронников различит за дымовой завесой словесных фиоритур два простых слова. Ну чей ход следующий?

– И как же называются эти «основные причины»? – двинул пешку Бронников. Ах, как он держался, как великолепно он держался! Он уловил эти два слова, но даже умудрился ухмыльнуться своими пересохшими, как бы враз истончившимися губами.

Ну что мог сделать Бергер, как не ухмыльнуться в ответ?

– Эти причины зовутся Никита Дымов и Николай Резвун.

– А что, Резвуна тоже я убил? – с той же ухмылкой спросил Бронников. – Именно я устроил его загадочное исчезновение в Нанте, с фестиваля фантастики? Ну это как раз чистая фантастика! Супёр, как говорят французы! Особенно если учесть, что я в это время в Нижнем сидел безвылазно, а в Нант и Париж смог поехать только в октябре. Резвун, главное!.. Да его исчезновение столько проблем мне создало, вы и представить себе не можете! Я тут на части рвусь. Оба компаньона, главное, будто сговорились... Кстати, может, вы мне и трагическую гибель Сироткина пришьете? Для полного комплекта? Ну я получаюсь не преуспевающий книжник, а леди Макбет во плоти! – И он нервно потер свои длинные, суховатые, с отличным маникюром пальцы, повторяя знаменитый, описанный Шекспиром жест беспощадной леди, которая без толку пыталась отмыть кровь безвинных жертв. «Нет, с рук моих весь океан не смоет крови...»

– Сироткин? – вскинул брови Бергер. – Насчет вашей причастности к аварии, в которой погиб Иннокентий Сироткин, я подумаю, спасибо за совет.

– Подумайте, подумайте, – зло сказал Бронников. – В июне над этим уже думали такие же сократы в форме. Мы с Резвунем тогда языки стерли клясться-божиться, что ни сном, ни духом... Ни вю, ни коню, как говорят те же французы. Теперь снова-здорово? А Никита Дымов тут вообще при чем? Нет, вы всерьез думаете, что я настолько ревнив? Убил Римму за то, что она разочек-другой трахнулась с этим нелепым мальчишкой? К тому же до нашей предстоящей свадьбы. До, заметьте себе. Это ведь даже изменой считать нельзя. Думаю, сам Отелло не стал бы душить Дездемону. А вот Кассио мог бы возревновать к супругу своей возлюбленной...

– Вы намекаете, что убийство вашей любовницы мог совершить Дымов?

– А почему бы и нет?

– Из вашего пистолета? Ну... это вряд ли. Кстати, почему вы так уж афишируете свою терпимость? Ревность могла быть для вас хоть каким-то смягчающим обстоятельством. Убийство в состоянии аффекта и все такое. Но я не зря две эти фамилии – Дымов и Резвун – упомянул рядом. Догадываетесь почему?

– Это в том смысле, что Дымов – племянник Резвуна, а если будет установлен факт гибели самого Николая и его дочери – единственный его наследник?

– Совершенно верно, – кивнул Бергер. – Дымов рассказывал мне, что еще в октябре с ним произошел весьма загадочный случай, напоминавший организованное покушение на его жизнь. Вы к этому не имеете отношения?

– Как вы думаете, на такой вопрос кто-нибудь ответит «да»? – с искренним изумлением спросил Бронников. – Кроме членов террористической группировки, желающей непременно выставиться, подобно той самой лягушке, которая закричала с небесной высоты: «Это я! Это я! Это я придумала!» А если всерьез, в это время я даже не знал, что Дымов – любовник Риммы. Все это вскрылось уже потом, после нашего возвращения из Франции.

Если покопаетесь, узнаете, что обе эти вести грянули как гром с ясного неба. О факте встреч Риммы с Дымовым я узнал совершенно случайно, благодаря какому-то хрену доброжелателю, накатавшему мне анонимку. С-сука какая-то постаралась, вот с-спасибо! – прошипел Бронников. – Главное дело, письмо вскрыла моя секретарша, так что через день все издательство знало, где, когда, с кем трахается фаворитка и будущая супруга господина директора. Ну уволил я эту профурсетку в мини-юбке, а что проку? Слух все равно остался. Теперь все убеждены, что Римму шлепнул именно я – в том самом состоянии аффекта, о котором вы изволили упомянуть. А ведь я всю жизнь придерживался принципа: «Меньше знаешь – лучше спишь». Я вообще предпочел бы не знать, что у них с Дымовым роман.

Анонимка пришла буквально две недели назад, уже в ноябре. То есть, по-вашему, получается, что я на Дымова авансом покушался? А какой смысл? Потому что Дымов как наследник Резвуна должен получить какие-то деньги с «Бука»? Ну это крохи. Во-первых, Резвун только через год будет признан «безвестно отсутствующим» и аж через пять лет – мертвым. И Дымов как наследник может получить дивиденды только через шесть лет.

А если «Бук» к тому времени совершенно разорится? Это будут копейки. Не проще ли мне было фирму на нуль свести, чем грех на душу брать и на него покушаться? Конечно, если бы органы опеки могли признать Никиту достойным управлять фирмой на то время, пока Резвун числится в нетях, тут я мог бы сильно рассердиться. Но он неделовой человек, никогда не занимался административной деятельностью. О бизнесе не имеет представления. Он мне вообще не соперник. И никогда им не был, ни на каком поприще. Ведь мне с ним даже бороться за Римму не пришлось, он ее сам бросил, вульгарно бросил. Так что... В покушении на него уж точно без меня обошлось, факт!

– А где без вас не обошлось? – безмятежно спросил Бергер.

– Не ловите меня на слове, не надо, – так же безмятежно ответил Бронников. – Хотя, с другой стороны, работа у вас такая – ловить. Но напрасно, потому что без меня обошлись как покушение на Дымова и смерть Сироткина, так и исчезновение Резвуна и... убийство Риммы.

И на этом имени его ровный голос вдруг сломался, и лицо вдруг пошло резкими, страдальческими морщинами, и повлажнили глаза.

– Я ее не убивал, – выдохнул он хрипло, измученно. – Можете вы усвоить такую простую вещь? Не у-би-вал! Не знаю, кто это сделал, но не я. Я просто не мог, не мог... я ведь только недавно понял, насколько люблю ее. Смешно? Мы встречались несколько лет, она считалась моей официальной любовницей, и вот наконец я захотел на ней жениться, я наконец понял, что она для меня значит, как нужна мне, но именно тогда... именно в это время она вдруг погибла, она взяла и погибла! Как же она могла так со мной поступить?!

Он облокотился на стол, закрыл лицо руками, поник. Какое-то мгновение Бергер смотрел на его слабо подрагивающие плечи, думая, что все это было бы смешно, когда бы не было так грустно: обвинять убитую в том, что позволила себя убить. И при всем при том его не оставляло ощущение, что в последних словах Бронникова, в этом неконтролируемом, почти

истерическом выкрике что-то прозвучало: если не ответ на все вопросы расследования, то хотя бы намек на этот ответ, а ему, Бергеру, не хватило проницательности этот намек понять.

Маша Самохвалова 2 мая 1967 года. Благовещенск

– У них же через месяц выпускные экзамены. В июне уже все заметно будет! А выпускной? Как она будет выглядеть на выпускном?! В шелковом платьице? Я уже и крепдешину прикупила... легонького такого, розовенького... куда его теперь? Неужели пропадет?

Тетя Лида обвела собравшихся жалобным взглядом, как будто именно в невозможности сшить любимой племяннице на выпускной бал розовенькое платьице состояла главная беда.

– Ничего страшного, – буркнул дедушка. – Девку родит – нашете пеленок. Для девок как раз положено розовое все.

– Что ты такое говоришь? – ахнула бабушка. – Пеленки – из крепдешина?! Младенцам бязь потребна, баечка, легонькое что-нибудь.

– Ну, значит, на свадебное платье пойдет, – покладисто согласился дед.

– Прекратите! Вы тут с ума сошли, что ли?

Дородная рыжеволосая женщина, доселе мертво сидевшая, а вернее, полулежащая в кресле, куда ее свалило внезапно полученное известие, вдруг резко выпрямилась и огля своих разговорившихся родителей таким взглядом, что они мигом прикусили языки:

– Какая свадьба? Какие пеленки? О чем речь? Этого не может быть! Этого случиться не должно! Я не отдам ей своего сына! Она должна от этого избавиться!

Резким жестом ткнула в Машу, до сих пор топтавшуюся в уголке у двери. Сесть ей не предложили, а сама она так и не осмелилась сделать несколько шагов к дивану. Там как раз было свободное местечко – рядышком с *ним*. Но в том-то и дело, что Маша совсем не была уверена, что *он* не вскочит и не бросится прочь, если Маша сядет рядом. А ведь когда-то все было иначе, совсем иначе!

Она продолжала стоять у двери, прижавшись спиной к притолоке, потому что голова чуть кружилась и Маша боялась пошатнуться. Жалкой выглядеть не хотелось, она даже радовалась, что на нее не обращали внимания.

Смешно, конечно. Разговор вообще-то шел о ней, но как бы о ней отсутствующей. Вот сейчас первый раз зеленоватые глаза хозяйки обратились на Машу – ненавидящие глаза!

– В конце концов, мы живем не в католической Италии, где аборт запрещены церковью, а в нормальной стране. В консультации ей дадут направление, в районной больнице сделают операцию. Это, конечно, немного болезненно, но терпимо, я отлично знаю, сама через это проходила...

Она вдруг осеклась: похоже, сболтнула лишнее, да поздно спохватилась! Слегка порозовела, но в следующую минуту уже овладела собой:

– Можно вытерпеть какую угодно боль, только бы вернуть себе доброе имя. Сейчас еще никто ни о чем не подозревает, а вы представляете, что начнется уже через месяц?!

– Но как же сейчас делать это... ну аборт? – Тетя Лида тоже порозовела, вымолвив запретное слово. Старая дева, вековуха, как говаривали в старину, сама, первая, она никогда бы не осмелилась это слово выговорить в приличном обществе, но поскольку хозяйка, Алла Анатольевна, женщина очень приличная, интеллигентная, работник облисполкома, уже произнесла его, то повторить можно, – конечно, понизив голос и с запинкой. – Какой может быть... аборт? Уже поздно, ведь у Машеньки четыре месяца...

Зеленоватые лютые глаза хозяйки так и впились в Машу. Та даже чуточку пригнулась, втянула в себя живот. Она никогда не была худышкой, поэтому сейчас еще вообще ничего не было заметно. Если только раздеться догола, встать в профиль перед зеркалом и пристально всматриваться, то увидишь, что животик немножко надулся. И грудь налилась, соски теперь

были всегда набухшие, они выпирали так, что мальчишки в классе беспрестанно косились на эти торчащие даже сквозь лифчик, школьное форменное платье соски. Маша вспомнила, как *он* ласкал их ртом, вспомнила, что с нею от этих прикосновений делалось, – и зажмурилась, чтобы задавить слезинки, вдруг ожегшие глаза.

– Не похоже, что четыре, – отрезала Алла Анатольевна. – С чего вы вообще взяли, сколько у нее там месяцев?

– Машенька сказала, что они... у них это было... – запинаясь бедная невинная тетя Лида, – что это случилось на каникулах новогодних, когда на турбазу поехали всем классом.

Дедушка крякнул, явно подавляя смешок, но бабушка так ткнула его в бок, что он снова умолк, украдкой поглядывая на дочь, лицо которой пошло красными пятнами.

– Может быть, и случилось один раз, – резко бросила Алла Анатольевна. – Но кто мне докажет, что она, – непримиримо указала выпяченным подбородком на Машу, – в это время была еще девушка? Вполне возможно, она начала вести половую жизнь не с моим сыном, а с кем-то другим. И не факт, что потом, после моего сына, у нее ни с кем ничего не было. Она могла продолжать тот же образ жизни. Знаю я подобных девиц! Забеременеют невесть от кого, а потом ищут виноватого. И находят, что характерно, не бича какого-нибудь, не грузчика из магазина, а мальчика чистого, воспитанного, из обеспеченной семьи, безответного ребенка, которого самым наглým образом совратили, а теперь хотят...

Маша зажала руками уши, чтобы не слышать, но голос Аллы Анатольевны способен был проникнуть и сквозь железобетон. Маша слушала, слушала ее несправедливые, оскорбительные слова и ждала, каждую минуту ждала, что вот сейчас *он* воскликнет: «Хватит! Это все неправда!» – вскочит, возьмет Машу за руку и уведет ее прочь... куда-нибудь, хоть к тете Лиде, потому что она единственная не разозлилась на Машу, не стала ее позорить случившимся. Даже *он*, *он* рассердился, испугался, сделался жалок. Но Маша сейчас все простила бы *ему*, только бы вскочил, вскрикнул протестующе, заступился за Машу, только бы остановил мать...

Никто не вскочил, не вскрикнул, не заступился за Машу. Алла Анатольевна остановилась сама, да и то лишь потому, что у нее перехватило дыхание.

– *Он* у меня первый был, – услышала Маша тихий, прерывающийся голос и даже не сразу поняла, что говорит сама. Осмелилась-таки! – Первый и единственный. И ребенок – *его*. Между нами это только два раза случилось: когда Новый год встречали у Люськи Калинкиной, ну и потом, на турбазе, на зимних каникулах. Наверное, тогда и... А что срок четыре месяца, так это мне врач в консультации сказала. Не думайте, я и сама хотела аборт сделать, я пошла к врачу, а она говорит: поздно. Говорит, можно только до трех месяцев. Я потому и тете Лиде сказала, что я... ну про это. А так хотела потихоньку из... избавиться – и все, и никто бы ничего...

Она бормотала, уставясь в пол да еще зажмурясь вдобавок, чтобы не взглянуть ненароком на *него*, не встретить *его* испуганного, затравленного взгляда. Как *он* смотрел на нее раньше, когда встречались на переменах, когда выбегали из классов как угорелые, думая только об одном: вот сейчас увидятся, вот сейчас поглядят друг на друга! Они учились в параллельных классах, и эти несчастные сорок пять минут урока казались бесконечными. А на школьных вечерах, когда они танцевали только вдвоем, сходя с ума от прикосновений тел?.. Вот где была мука! Хотелось запретного, до смерти хотелось, но никто не решался даже словечком обмолвиться, не то чтобы позволить себе что-то. Да и где, когда позволять? У *него* дома вечно торчали дед с бабкой, у нее – тетя Лида, надомница-машинистка. Провожал *он* ее редко, потому что после уроков его всегда ждала машина: мать присылала облисполкомовскую, чтобы, не дай бог, не опоздал на секцию. *Он* уже входил в городскую юношескую сборную по стрельбе из пистолета, имел шансы попасть в школу олимпийского резерва, сдавал норму мастера спорта, и Алла Анатольевна спала и видела республиканские, союзные, а там и мировые победы, славу любимого сына... То же будущее ожидало и его младшую сестру, которая занималась художественной гимнастикой. Мать была уверена, что девчонки есть и останутся в жизни сына лишь

какой-то незначущей мелочевкой, мимолетным развлечением... и, в конце концов, она оказалась права! *Он* первым отдалился от Маши, начал смотреть как на чужую, *он* первым произнес слово «аборт», когда узнал про ребенка!..

– Погоди-ка, – пробормотала вдруг Алла Анатольевна, уставясь на Машу совсем другим, не ненавидящим, а исполненным какого-то священного ужаса взглядом, словно перед ней была не высококоньякая девчонка с русой косой и заплаканными серыми глазами, а какой-нибудь Соловей-разбойник, Одихмантьев сын или чудовище вроде того, про которого Радищев упоминал в своей книжке «Путешествие из Петербурга в Москву», ну которое обло, огромно, стозевно, лаййй и что-то там еще. – Погоди! Ты говоришь, что была у врача? В женской консультации, что ли?

– Ну да, – кивнула Маша. – А где бы я еще врача нашла?

– Го-спо-ди... – прошелестела Алла Анатольевна пересохшими губами. – В женской консультации?! Там же по паспортам принимают! Они твой домашний адрес спросили?

– Да, в карточку записали, – кивнула Маша. – Как положено.

– Положено, положено, – простонала Алла Анатольевна. – А когда спросили, где работаешь или учишься, ты что ответила?

– Сказала, что учусь в школе, в 13-й. В 10-м «Б»...

– Дура! Идиотка! – внезапно заорала Алла Анатольевна, вскакивая с кресла с таким проворством, как если бы ему, этому креслу, вдруг надоело держать на себе тяжелое тело хозяйки и оно мощно выперло ее из себя. Наверное, это выглядело смешно, однако Маше было не до смеха: уж очень жутко закричала Алла Анатольевна, очень уж страшным стало вдруг ее лицо!

– Аллочка, ты что?! – закудахтали доселе безответные дед с бабкой, и даже тихая тетя Лида не выдержала:

– Как вам не стыдно, Алла Анатольевна! Держите себя в руках!

– Держать себя в руках надо было этой проститутке, когда она лезла в штаны к парню, а потом все разболтала в консультации! – рявкнула на нее Алла Анатольевна, а потом вновь обратила ненавидящие глаза на Машу: – Идиотка! Ты что, не понимаешь, что врач обо всем сообщит в школу? Ты когда была в консультации? Вчера? Ну так я не удивлюсь, если в школе уже знают о том, что ты беременна!

– Как сообщат? – пролепетала Маша. – Почему? Они мне не сказали, что сообщат.

– И потом, существует врачебная тайна! – поддержала племянницу тетя Лида, но Алла Анатольевна их словно не слышала: снова рухнула в кресло, закрыла лицо руками и глухо выкрикнула:

– Все пропало! Теперь уж точно все пропало! И звание мастера, и краевые соревнования, и... Все, все пропало! Об этом узнают все!

Странные звуки раздались вдруг. Маша чуть не ахнула: неужели Алла Анатольевна плачет? Нет: хозяйка опустила руки, уничтожающе взглянула сухими глазами на Машу – и удивленно вскинула брови, не обнаружив на ее лице ни следа слез. Понятно, она думала, что это Маша рыдает! Но нет, не дождетесь!

Алла Анатольевна перевела взгляд – и вдруг замерла, испуганно округлив приоткрытый рот, уставившись куда-то в сторону.

Маша повернулась туда – и сама застыла неподвижно. Точно в таких же окаменелых позах пребывали тетя Лида и родители хозяйки. Все они ошарашенно смотрели на парня, скорчившегося в углу дивана, опустившего лицо в колени. Это *он* издавал приглушенные, жалобные всхлипывания. Это *он* плакал!

Он... это *он*... из-за Маши... Нет, из-за сборной! Из-за краевых соревнований! Из-за звания мастера спорта! Из-за пистолетов своих дурацких!

Маша постояла еще немножко, быстро, мелко сглатывая, потому что в горле вдруг пересохло и начало ужасно першить. Потом подошла к тете Лиде, взяла ее за руку и потянула со стула, на котором та сидела:

– Пошли, тетя Лида. Пошли.

– Куда? – покорно поднимаясь, спросила та.

– Домой.

– Как домой? А это... как же это все? – пробормотала тетя Лида, совершенно потерявшись.

Маша тяжело вздохнула, посмотрела на нее и объяснила терпеливо, как маленькой девочке:

– Никак. Мне ничего не нужно... из этого дома. Поняла? Так что пошли!

Никита Дымов

24 октября 2001 года. Нижний Новгород

Что характерно, Никита не сразу оценил опасность. Он был слишком изумлен, он еще успел обернуться и посмотреть, что именно происходит. Происходило много чего, и происходило оно невыносимо медленно – рапидом, как говорят киношники.

Эдик неторопливо, словно в задумчивости, вздымал монтировку вверх, занося ее над головой. Так же неторопливо Никита подумал, что, судя по всему, первый удар тоже нанес Эдик. Это было очень тонкое наблюдение: в самом деле, не с небес же *прилетело!* И Костя тоже не мог ударить по багажнику – он только сейчас вылез из кабины и разворачивался к Никите с выражением нестерпимого охотничьего азарта на лице, в свою очередь занося монтировку.

И тут вдруг что-то словно щелкнуло в голове. Понимание и страх ударили мгновенно, однако не обессилили, а, наоборот, вызвали к жизни невиданное проворство. Никита отпрянул, упал на спину, ногой поддел ногу Эдика, рывком вынудив его потерять равновесие и свалиться на колени. Эдику повезло меньше – его физиономия вошла-таки в соприкосновение с багажником – как раз рядом с тем местом, где виднелась сверкающая голым железом вмятина со сбившимся крошевом краски в ней. Зримая картина успела еще ожечь воображение Никиты: его собственная голова со вмятиной посередине, а в ней – красное крошево мозгов, костей, волос...

Костя был уже рядом! Никита вскочил, пнул неуклюже раскинувшегося Эдика между ног – ну просто грех было не пнуть эту сволочь! – и с такой скоростью прынул в кусты, что снова едва не упал. Но повезло. Перескочил через канавку – и понесся по осиновому и березовому подлеску, петляя и пригибаясь, словно по нему стреляли.

С дороги неся хриплый, исполненный боли рев Эдика. Никита обернулся – позади мелькнуло что-то черное и тут же замерло, чуть видное за разноцветной листвой. Костя бросился следом! Почему же остановился? Эдик прорычал что-то, напоминающее слово «лай». И тотчас Никита понял, что это было совсем другое слово! Послышался негромкий щелчок, потом свистнуло рядом, опять щелчок, опять свист... И тут Никита на собственном опыте осознал сакраментальное выражение: «Вокруг свистели пули». Не зря он пригибался – по нему и в самом деле стреляли! Вот что кричал Эдик: «Стреляй!»

На миг ноги заплелись от страха, но тут же Никита с удвоенной скоростью ломанул в чащу, выдвывая уж вовсе диковинные вензеля, огибая деревья, но иногда все же натываясь на них, раздирая сплетение ветвей. Сломанные ветви трещали, чудилось, что звук доносился до самого Нижнего. Никита понимал, что этим треском выдает преследователю направление своего бегства, замер, пытаясь понять, где сейчас Костя, но жутко было превратиться в неподвижную мишень. Снова рванулся вперед. Свиста пуль он теперь не слышал, но это вовсе не значило, что выстрелов больше не было: в ушах звенело, загнанное дыхание оглушало. Пот заливал глаза, и он наконец понял, что больше не может бежать. Нет, надо перевести дух хотя бы на мгновение. Поглядел на часы. Не слабо! Наверное, в самом деле пора устать! Ведь он мечется по лесу уже почти час...

И в эту минуту впереди меж деревьев что-то забрезжило. Дорога? Он снова вышел к дороге?

Никита нахмурился. Вроде бы в окрестностях Мельницы, исхоженных им вдоль и поперек, не было никаких асфальтированных дорог, кроме шоссе и поворота к деревне, а впереди тянулась именно серая асфальтовая лента. Что за черт? Вернее, что за леший, потому что в лесу хозяин именно он? Неужели леший его так поводил, что заставил сделать кругляя и снова вывел на ту же боковую дорогу? И что теперь делать? Если бы попалась попутка, без разницы

в каком направлении, можно было бы либо в город вернуться, либо попросить подвезти до станции. Деньги у него есть, если водитель не станет шибко заламывать, можно поладить. Если даже убийцы хотели его потом ограбить, им это не удалось.

И тут Никита первый раз лоб в лоб столкнулся с вопросом, который потом долго будет отравлять его существование, но ответа на который он так и не найдет. Никита впервые – раньше времени не было! – задумался: а что нужно было от него этим двум парням, лихачу Косте и угрюмому Эдику, предположительно – педику?

Что он им сделал? Или чего не сделал? Может, его за кого-то другого приняли?

Издали слышался шум мотора. Никита отмахнулся от безответного вопроса, как от докучливой ветки, норотившей хлестнуть по глазам, и ринулся к дороге. Сейчас он все равно ни до чего толкового не додумается, а вот случайную попутку жалко будет упустить. Машина идет по направлению к городу, и если удастся тормознуть...

Он сам не знал, почему вдруг замер на месте. Наверное, и впрямь во всех нас неистребимо живет приглушенный, придавленный «благами цивилизации» инстинкт – даже не то чтобы самосохранения, а некое чутье, неосознанное, ничем не объяснимое, дающее необоримый импульс нашим поступкам – или, наоборот, не поступкам, а мгновениям выжидания, промедления, порою спасающим нам жизнь.

Никита остановился, досадуя на себя, но все же не в силах отклеиться, выбраться из-под прикрытия еловых ветвей. В это время мимо неторопливо проехал серый «Форд». Водитель смотрел не столько на дорогу, сколько пристально всматривался в лес, да и пассажир был занят тем же самым. Водителем был Костя, а пассажиром – Эдик...

Никиту они не заметили, очевидно, потому, что его темно-зеленый «бурбур» вполне сливался с хвоей. Он же их узнал мгновенно, однако не поверил глазам. Подумал: мерещится с перепугу, но через миг увидел, как «Форд» свернул к обочине. Вгляделся – там что-то голубело. Мотор замолк, хлопнули дверцы – страшные лесные разбойники вышли из машины, потоптались, снова сели в «Форд», и тот, с места взяв скорость, умчался по направлению к городу.

Никита не скоро заставил ноги сдвинуться с места. Его трясло так, что чахлая елочка, рядом с которой он стоял, ощутимо ходила ходуном. То голубое пятно, понятно, «Волга». Ничего себе, круто же поводит его лесной хозяин! Вывел практически на то самое место, откуда он стреканул чуть не час назад! Правду говорят, что леший кругами водит. Выйди Никита на проселок чуть раньше, и опять встретился бы лицом к лицу со своими заклятыми приятелями. Ишь ты, заранее где-то спрятали «Форд», чтобы убраться с места преступления!

Судя по всему, «волжанка» угнанная – возможно, непосредственно перед самой встречей с Никитой. Робятки попользовались ею и хладнокровно бросили, больше не тратя сил на вытаскивание из канавки, в которую так виртуозно загнали. Очевидно, не распорядись судьба иначе, рядом с «Волгой» через какое-то время нашли бы труп с размозженной головой. Труп Никиты... «Волга» к тому времени уже была бы в розыске, поэтому легко догадаться, по какому пути пошло бы расследование: угнал с каким-нибудь хмырем на пару чужую машину, а потом угонялы чего-то не поделили, и вот вам результат... Круто, конечно, а с другой стороны, сам виноват: не угоняй чужих машин!

Больно, пугающе ударило мыслью: нет, не случайность нападение на него – это заранее спланированное покушение, вон как обставлено, как продумано!

Никита затравленно огляделся. Пуганая ворона куста боится, это понятно: ему теперь за каждым деревом чудились какие-то недобрые тени. То тут, то там мерещились фигуры Кости и Эдика, а главное – этого неизвестного водилы. Неизвестный – самый опасный!

Снова слышался шум мотора. Никита прынул было в чашу, но усилием воли удержал себя на месте: звук раздавался опять же со стороны Семенова. Вряд ли у загадочных злодеев по всей трассе натыканы машины, это элементарная логика подсказывает. Однако логика логикой,

а ноги у Никиты ощутимо подкашивались, когда он рванулся к дороге, и рука проголосовать поднималась с трудом.

...Ах, как он потом вспомнил это мгновение и вещей ужас, ледяными пальцами прохаживающийся по спине! Ругал себя за трусость, а на самом деле это было все то же подспудное чутье, тот же инстинкт самосохранения, который подсказывал, кричал: стой на месте, подожди! Кто знает, задержишься ли тогда под прикрытием ели...

Но никто вперед ничего знать не может, а стало быть, и говорить не о чем.

Никита выскочил на дорогу, взмахнул рукой, и темно-синяя «Ауди», уже скользнувшая было мимо, вдруг взвизгнула тормозами, приостановилась и приблизилась к нему задним ходом.

Павел Малютин

15 августа 2001 года. Нант, Франция

Великий человек оказался прав: дело не должно было представлять никакой трудности. Эти трое даже не замечали тени, неотступно следовавшей за ними, хотя Нант, видит бог, не такой уж большой город. Конечно, имел место большой наплыв туристов, жаждущих побывать, к примеру, в Шато дюков¹ Бретани, построенном аж в двенадцатом веке, в кафедральном соборе или в домике Жюля Верна, но прежде всего привлеченных странной, неторопливой, обворожительной красотой этого города. То есть нынче в Нанте вполне можно было основательно затеряться. И все-таки Павел то и дело, словно по заказу, оказывался лицом к лицу с этой семьей.

Вот именно что по заказу...

В Нанте у него был заказ. Вот эти трое. Высокий седеющий мужчина с сухим, моложавым лицом и ледяными глазами, красиво попыхивающий трубкой с ароматным табаком; его холерная, безмятежная, судя по всему, глуповатая дочь – и тихий, задумчивый мальчишка, внук.

Они жили в «Нов-отеле», как все участники ежегодного Фестиваля фантастики, а Павел – в «Анри» на Рю-де-Ришбор, рядом с площадью Дюкессы Анны. ОТЕЛЬЧИК был простенький, но очень симпатичный, да и располагался сверхудобно: в самом центре, практически напротив знаменитого Шато. Еще в самолете (Павел и его клиентура летели одним рейсом из Москвы, потом мчались скоростным поездом от Парижа до Нанта, и на него никто не обращал внимания!) он умудрился снабдить сумочку дочери невидимой наклейкой, которая позволяла быть в курсе всех их планов и передвижений, рассудив, что микрофончик на одежду приклеивать без толку: ее ведь меняют! К тому же во Франции все обновляют гардероб, так что вообще без толку добро переводить, будет валяться в чемодане.

Конечно, был риск, что дамочка сменит и сумку, однако Павел рассчитывал, что нет: сумка была новехонькая, крокодиловой кожи, привлекала завистливые взгляды так же, как многочисленные бриллианты на пальцах и в ушах этой глупышки, а ведь женщины тщеславны...

Расчеты пока оправдывались, техника не подводила. А почему она должна была подвести? Такая же вот невидимая наклейка две недели назад спасла ему жизнь в Нижнем... То есть еще должна была спасти. Это в будущем, а в настоящем...

В настоящем Павел таскался практически бок о бок с этой троицей, которая его в упор не видела! Иногда он оказывался с ними и за соседним столиком в кафе, и семейка окидывала его словно бы незрячими, неприветливыми взглядами, как это водится у русских даже за границей. Эта неприветливость вызывала недоумение у очаровательных официантов, сыплющих направо и налево свои пардоны и мерси, – даже выставляя на столик заказанное, они говорили: «Мерси, мсье, мадам!» Нант вообще, как всякий французский провинциальный город, необычайно любезен, гостеприимен, люди охотно улыбаются на улицах друг другу, даже если незнакомы. В Париже таких улыбок не встретишь: там любезность более официальная, купленная, магазинная – в том смысле, что приветливость в глазах видишь только в магазинах да кафе, за свои деньги. Все равно как у нас в зверино-лютой Москве, думал Павел, который столицу на дух не выносил. С другой стороны, провинция наша тоже угрюма, замкнута, а в Нанте Павел и сам ощущал, как по его губам порою скользит совершенно неконтролируемая, непроизвольная ухмылка.

¹ Дюк – герцог (*фр.*).

Чудилось, в этом очаровательном городе не могло случиться ничего плохого... и все-таки частенько то в темно-зеленом, затянутом густой ряской рву вокруг Шато, то в одной из средневековых темных и тесных улочек, где дома зловеще смыкались крышами, а под ногами гулко отдавалась стертая брусчатка, или в мрачноватых закутках великолепного кафедрального собора, или в тихих, безлюдных аллеях Ботанического сада перед Павлом возникал некий призрачный с выжидательным, требовательным взглядом, словно бы готовый спросить: «Что? Еще не готово? Неужели до сих пор не нашлось случая?»

Конечно, великий человек имел все основания быть недовольным Павлом. Ему уже представлялось по меньшей мере четыре случая совершенно незаметно для посторонних расправиться с объектом, его дочерью и внуком.

И останавливало отнюдь не то, что его засек этот одиннадцатилетний глазастый пацан, какой-то слишком взрослый для своей легкомысленной, слишком молоденькой мамыши. И приметливый! Не раз он встречал стремительный, по-взрослому оценивающий промельк взгляда, не раз подмечал, как мальчик (его называли Кирюшкой, но это смешное имя совершенно не шло к его замкнутому лицу, вот Кирилл – другое дело!) в городской или магазинной толчее старается встать так, чтобы прикрыть от Павла знаменитую сумочку, болтающуюся на плечике его легкомысленной мамыши. Пацан явно принимал Павла за вульгарного карманника. То есть он был встревожен, однако его детского воображения не хватало на то, чтобы просечь настоящую опасность. И наверное, в семье его не больно-то принимали всерьез, потому что он даже не пытался высказать свои тревоги матери или деду.

Уж Павел знал бы, если бы мальчишка хоть словечко вякнул! Во-первых, микрофон доложит, во-вторых, поведение этих людей резко изменилось бы. А так... мужчина был всецело поглощен своими деловыми переговорами на фестивале, где он выискивал среди зарубежных фантастов будущих авторов для своего издательства, желательно таких, чтобы писали получше, а гонорар согласились бы получить поменьше. Иногда его деловые контакты бывали очень смешными.

Например, его откровенно домогалась представительница издательства «Дьябло», которую звали Мазурик. Имя это или фамилия, Павел не понял, но смеяться не переставал долго. Как-то раз он услышал отзыв о ней: «Эта Мазурик похожа на полуседого чертенка, стриженного настолько коротко, что нечаянно даже рожки состригли!» Это сказал объект своей дочери, но та, похоже, не оценила юмора. Дочь с утра исполняла при отце обязанности переводчицы, а в свободное время была поглощена рысканьем по магазинам. Ребенок занимался самосозерцанием и порою – слезкой за следившим за ними Павлом. Его это не тревожило, а забавляло, мальчишка ему с каждым днем нравился все больше.

Конечно, это ни в коем случае не могло бы помешать сделать дело, исполнить заказ... если бы Павел еще дома, в Нижнем, не решил бы на сей раз не проявить себя безупречным исполнителем, а поступить с точностью до наоборот.

Причина имелась, и весьма существенная. Настолько существенная, что он чуть ли не впервые в жизни чувствовал некую неуверенность и, бродя по Нанту за этой безмятежной троицей, порою очень тщательно проверял, выискивая, не бродит ли кто за ним... Конечно, этого быть не могло, Павел совершенно точно знал, что, пока заказ не исполнен, его здесь не тронут, да и тронут только дома, в Нижнем, по возвращении, а все-таки не мог отделаться от странной тревоги, от ощущения чужого, недоброго взгляда, выцеливающего его затылок.

Наконец, к исходу третьего дня Павел почувствовал, что больше тянуть нельзя. Этак недолго и в сущего невропата превратиться!

Семейство стояло около парапета напротив великолепного Шато и оцепенело таранилось на его серые, изъеденные временем, округленные стены. Чуть левее, за большой башней, медленно клонилось к закату солнце, и весь нижний дворик замка был уже погружен в густую

ть, зато флюгера золотились и сияли так, что на них смотреть было больно. Порою набегал ветерок, и тогда радостно начинали шуметь листвою огромные платаны в нижнем двореке. Деревья были такие высокие, что их ветви почти достигали парапета, на который облокотились эти трое.

Павел какое-то время смотрел на их незащищенные спины из-за стеклянной двери маленького магазинчика, где продавались сувениры и всякая антикварная рухлядь. Прямо у двери стояли доспехи средневекового рыцаря – современная подделка, конечно, но очень качественная, их разрешалось трогать и даже примерять, так что, возясь с этим лязгающим сооружением, вполне можно было сделать три стремительных выстрела по трем спинам, и никто бы даже не заметил, откуда, как принято выражаться, «прилетело». А потом он свернул бы за угол и затерялся в лабиринте улочек. Все просто!

Павел вздохнул, снял со своей головы и поставил на место, на плечи рыцаря, его черный шлем с этакой форточкой для проветривания лица (то, что называется «забралом»). Шагнул вперед.

– Добрый вечер, – проговорил он, останавливаясь рядом с мужчиной и непроизвольно опуская руку в карман пиджака, где лежал пистолет. На обочине сознания мелькнула мысль о том, что и сейчас было бы очень удобно выстрелить ему в бок, потом в голову и сразу – в женщину и мальчика. Но в таком случае труднее было бы уйти незамеченным: какие-то люди выходят из лавчонки, где продают глиняные игрушки и краски для их раскрашивания, еще кто-то усаживается за выставленные на улицу столики быстро, вереница туристов бредет вдоль парапета, то и дело приостанавливаясь и щелкая фотоаппаратами, – его непременно засекли бы.

Павел вынул руку из кармана и заставил себя улыбнуться в ответ на вопросительный взгляд обернувшегося мужчины:

– Добрый вечер. Вы русский? Надо же. А мы с дочерью буквально только что говорили, до чего странно, что еще не видели в Нанте ни одного русского. В Париже ступить негде от соотечественников, а здесь – благодать!

Хорошенькая, пухленькая, беленькая, как ванильный зефир, женщина улыбалась с обычной безмятежностью. Мальчик стиснул руку матери и исподлобья уставился на Павла.

Узнал, конечно. Но молчит.

– Вас зовут Николай Александрович Резвун? Могу я с вами перемолвиться парой слов? – сказал Павел, с каким-то мстительным удовольствием увидев, как взлетели вверх брови этого человека.

– Вы меня знаете? Тоже на фестиваль приехали? Видимо, только сегодня, я что-то раньше вас не видел... А из какого издательства? Странно, я думал, что из российских издательств приглашен только «Бук».

Он говорил с легкой улыбкой, вынимая из кармана маленькую трубку и собираясь безмятежно закурить, но глаза его вцепились в глаза Павла, и тот ощутил: мужчина молотит языком только для того, чтобы успокоить дочь и внука, а на самом деле он просек, что у Павла какое-то весьма серьезное дело. Почуял опасность...

Ну наконец-то! Не прошло и полгода!

– Кирюша, погуляй с мамой вон там, по площади, а мы переговорим с господином... – Он вежливо приподнял брови, ожидая, что Павел назовет себя, но тот лишь бегло улыбнулся в ответ, а представиться и предложить тост «За знакомство!» решил отложить на потом.

Мальчик смерил его взглядом исподлобья и потянул за руку свою маману, которая с кукольной беззаботностью водила по сторонам голубыми глазками.

«Вот клуша! – отчего-то озлился Павел. – Цыплячьи мозги! И это дочь такого человека! Правду говорят, что природа отдыхает на детях великих людей».

Мальчик и его мама со знаменитой крокодиловой сумочкой пошли горбатой улочкой вперед, к площади Дюкессы Анны, а Павел знаком попросил Резвуна повернуть к воротам в верхний двор замка. Ворота были уже заперты, туристы разбрелись, царила приятная тень, можно было спокойно посидеть на парапете, не рискуя быть подслушанным... хотя кого в прелестном, спокойном Нанте могли бы заинтересовать разговоры двух приезжих из варварской России? Наверняка говорят об убийстве!

Совершенно верно.

– Значит, так, Николай Александрович, – сказал Павел, глядя прямо в испытующие глаза собеседника, – чтобы избавить нас от излишних недомолвок и взаимного недоверия, скажу откровенно: я – тот человек, которого ваш старинный друг и компаньон Сироткин последним видел непосредственно перед своей смертью.

Никита Дымов

24 октября 2001 года. Нижний Новгород

– Слушайте, у вас такой вид, будто вас чуть не убили, – сказала она, задумчиво и обстоятельно разглядывая Никиту.

Вот именно – чуть. Вернее, чуть-чуть. Самую чу-точ-ку.

Он рассеянно провел рукавом по лбу, обтирая что-то липкое. Думал – кровь, но то были пот и паутина, которой он немало нацеплял на себя, скитаясь по лесу этим погожим днем запоздалого бабьего лета – таким чудесным, таким ясным днем... самым страшным в его жизни, чуть было не ставшим для него последним.

– Ох, да у вас, кажется... – выдохнула она и умолкла, уставившись большущими серыми глазами на его рукав. Да, без крови не обошлось-таки, но это ничего, это не страшно, просто Никита где-то наткнулся на ветку, скорее всего, там же, при дороге, когда прынул в кусты, как трусливый заяц.

Ничего себе заяц! А что ему оставалось делать – одному против тех двоих, столь весомо, грубо, зримо ворвавшихся в его жизнь и чуть было не оборвавших ее своими монтировками и пистолетом?

Он вынул из кармана платок и тщательно вытер рукав куртки, чтоб ни следа не осталось. Скомкал платок, выбросил в окно. Украдкой сглотнул, полуотвернувшись. Тошнота подкатывала к горлу. Может, эта женщина не заметит, до чего ему худо? Никита ведь совершенно не выносит вида крови, бабская слабость накатывает, в глазах темно, ноги подкашиваются. Сейчас он, правда, сидит, да и крови всего чуть, а все равно – самочувствие на грани обморока. Не дай бог увидеть настоящее ранение или, к примеру, убийство – сам умрет, наверное!

Ни с того ни с сего вдруг вспомнилось, как на монтаже какого-то спектакля на одного из рабочих упала стойка и острым краем рассекла ему плечо, будто бритвой. Кровища как хлестанула! К нему со всех концов сцены бросились люди, а Никита, который стоял совсем рядом, вдруг бросился прочь. Вообще вон из зала! Опомнился только в своей мастерской, и то потому, что девочки-портнихи его начали тормозить. Он был практически без сознания, совершенно не соображал, что делал.

Потом тот работяга на него обиделся, да и остальные начали поглядывать как на труса, а что, интересно, мог Никита поделать? Это у него свойство организма такое. Бывают нормальные, храбрые люди, которые, к примеру, боятся замкнутого пространства, у них в лифте делается натуральная истерика. А у Никиты – кровефобия, или как это там называется? А вот интересно, если бы Костя по нему не промахнулся, он бы чего больше испугался: боли или вида собственной крови?

Что за чушь в голову лезет, однако!

– Поехали, ладно? – попросил он угрюмо.

– Что, так и бросите машину? – поинтересовалась незнакомка, как-то слишком медленно поворачивая ключик в стояке.

– Какую? – чуть не с ужасом спросил он, озираясь, готовый снова увидеть серый «Форд».

– Да «Волгу» же! – воскликнула она, махнув в сторону голубого пятна на краю дороги. – Разве это не ваша «Волга»?

– Н-нет, – сдавленно выговорил Никита. – Нет, не моя.

– А чья же?

– Представления не имею, – произнес он как мог холодно. – Да и вам какое дело? Ну стоит себе «Волга» и стоит. Может, водитель по грибы пошел.

– Оставив дверцы нараспашку? – спросила она, вглядываясь вперед. – Сомнительно.

– Ну, значит, он где-то недалеко. – Никита уже едва сдерживался, чтобы не завопить: «Да езжай ты, в конце концов! Вот болтушка!» – Покурить отошел или там, не знаю, по малой нужде.

– А не он ли вас так качественно повалил по траве? – спросила вдруг «болтушка», округляя глаза. – И часом, не оставили вы его отдыхать в тех зарослях, откуда только что вывалились? В смысле, отдыхать вечным сном? Может быть, это не вас чуть не убили, а вы кого-то... – Она многозначительно замолчала.

Никита только и мог, что жалобно моргнул. Язык присох к гортани, ну естественно присох, и оторвать его удалось с большим трудом.

– Я не... не уби... – прохрипел он, и внезапно на смену ошеломляющей растерянности пришла злость: – А не опасно ли, с вашей стороны, задавать такие вопросы незнакомому человеку? К примеру, я и впрямь могу оказаться душегубом-профессионалом. Киллером! А что? Есть много профессий, хороших и разных!

– Я бы в киллеры пошел, пусть меня научат? – вскинула она брови, но тут же опасно улыбнулась: – Да ну, бросьте, Никита, какой из вас киллер?!

У него снова перехватило дыхание – уже в который раз за этот многотрудный день.

Она его знает?! Откуда?

Понятно откуда: эта дамочка – из той же самой компании, что и Костя с Эдиком. Какой же он был дурак, что сел в эту машину! Интуиция же подсказывала, ну просто криком кричала: останься в лесу! Ох, как крепко они обставились, да у них что, на каждом шагу запасные машины с убийцами? И все на него, все против него?

Да почему, за что, господи?! Какой-то сюрреалистический кошмар, сон, от которого невозможно проснуться.

Тогда, именно тогда, он в первый раз подумал: какое было бы наслаждение – убить ее! Сдавить горло пальцами и держать до тех пор, пока не погаснет свет этих серых глаз. Или подойти этак небрежно, обнять за плечо, может быть, даже поцеловать в теплый висок, а потом приставить к этому виску, к тому самому месту, где еще сохранился влажный след его губ, пистолет. И нажать на курок прежде, чем она успеет отпрянуть. А может быть, она не захочет отпрянуть?..

Потом подобные мысли будут возникать у него не однажды, но тот раз точно был самым первым.

– Господи, я и забыла, какое вы еще дитя! – вдруг тихо, нежно усмехнулась она. – Сейчас у вас ведь совершенно детские глаза...

– Что? – пролепетал он, сам ощущая, как глупо звучит его голос.

– Никита, Никита, ну перестаньте! – Теперь она уже откровенно смеялась. – Ну да, я вас знаю, а вы меня нет. И никакого тут нет чуда или подставки какой-то. Я была на той вечеринке в «Барбарисе», ну в честь открытия, помните? Там же вас всем представляли как одного из дизайнеров, говорили, что вы театральный художник и все такое. Я с тех пор даже стала обращать внимание на театральные афиши, особенно тюзовские – вы ведь в ТЮЗе работаете? Но почему-то ваша фамилия в качестве художника-постановщика упоминается довольно редко. Зажимают, да?

– Бывает, – пробормотал Никита, все еще слабо соображая, что говорит, не в силах вникнуть и в смысл ее слов.

Видела его на вечеринке в «Барбарисе»? Странно, что он ее не видел. А впрочем, может, и видел, да не обратил внимания. Там было море девок и всяких дам. Некоторые сверкали бриллиантами, некоторые – голыми плечами. А уж сколько сверкающих глазок имело место быть! И они еще пуще засверкали после того, как рекой полилось бесплатное шампанское. Никита

по опыту знал, что стоит дамам, подобным тем, какие собралась здесь (в большинстве – не бог весть какого высокого пошиба), чуть набраться, как они начинают к нему жутко клеиться.

Он даже собирался смыться чуть пораньше и уже высматривал подступы к гардеробной, но Валера, хозяин, его задержал. Пошли в директорский кабинет и там на четверых, вместе с Валерой, его супружницей Жанной и вторым дизайнером, – вернее, первым, потому что Никита был у него на подхвате, а не наоборот, – неслабо приняли на грудь «Реми Мартен».

Честно говоря, Никита вполне, и даже с большим удовольствием, выпил бы и шутовский или даже (какое кощунство!) «Дербент», не говоря уже о тираспольской «Дойне». Но только самоубийца мог брякнуть при Валере что-либо подобное. А Никита, конечно, не был самоубийцей, поэтому молчал. Молчал и пил. Одно было утешение: смаковать и цокать от восхищения языком не принуждали. Валера, даром что был похож на итальянского мафиози и маркиза де Сада одновременно, с этой его тщательно выбритой бородкой и умопомрачительным кожаным пиджаком, пил коньяк как стопроцентный россиянин, – будто водку, махом, опрокидывал стопарь за стопарем и знай подливал себе и другим, закусывая персиками, виноградом и «Дор-блю», только не с зеленой, а с голубой плесенью. Плесень и «Реми Мартен» великолепно дополняли друг друга, так что Никита был уже хорошенький, когда снова вышел в зал. Разумеется, его тут же облепил какой-то многочисленный баб-с, к гардеробной было не пробиться, но к тому времени он уже забыл про свое намерение уйти пораньше, почувствовал себя привычно-комфортно и принялся играть глазами направо и налево, одновременно болтая что-то приятно-ничего-не-значашее.

Обычно этим удавалось обойтись, потому что, когда дам вокруг много, это все равно, что нет ни одной: никто не даст сопернице и близко подойти к желанному мальчонке, и он потом уходит, отполированный взорами, ну, может, слегка облапанный, не без того, но вполне в целостности и сохранности. Порою приходилось ответно тиснуть какую-нибудь особенно напористую особу. Или легонько провести губами по шейке. Но это – все. Баста! Никаких поцелуев врасос, не говоря уже о спринтерском трахен-бахен в укромном закутке или поездках на конспиративную явку, к продавленному дивану. Уходя таким вот девственно-непорочным, Никита доподлинно знал, что вслед ему глядят обиженные, недоумевающие, порою даже слезой подернутые глазки, а в куриных умишках рождается коварный вопросец: «А не голубой ли он?..»

Он был совершенно не голубой и считал, что сущее кретинство – иметь дело с парнями, когда вокруг столько красивых девушек! Ему нравились девушки, он был нормальный, вот только беда – шибко разборчивый. Никите почему-то совершенно необходимо было знать, что женщина, с которой он целуется, которую трогает везде, где можно и нельзя, с которой задыхается в одном ритме, – это только его женщина, что нет у нее в запасе ни бойфренда, ни ревнивого спонсора или, чего доброго, подружки-лесбиянки...

Но как-то не выпадало ему пока что такой карты. Непременно у всех имелся какой-то запасной вариант. Впрочем, немало было и желающих сделаться «абсолютно его», но, как правило, это оказывались девушки, на которых он даже на необитаемом острове не взглянул бы. Ну не нравились они ему, и все тут.

– Напрасно напрягаетесь, пытаюсь вспомнить, как меня зовут, – послышался голос рядом. – Нас с вами не знакомили. Некому было, и вообще, к вам в тот вечер было не пробиться даже при желании. А у меня, знаете ли, правило: никогда не навязываться мужчине. Он должен сам, первым руку протянуть. Хотя теперь мои взгляды могли бы считаться устаревшими.

Никита встрепенулся. Бог ты мой, забыл, где находится! «Ауди» летит по шоссе, рядом та женщина, что подобрала его. Она решила, что Никита пытается вспомнить их встречу, а он так расслабился – почти задремал. Это у него от шока, ясное дело. На смену слишком сильному напряжению приходит аналогичное расслабление, и глаза закрываются сами собой, и язык еле шевелится.

Еще не хватало заснуть при своей благодетельнице! Никита резко повернулся к ней, чрезмерно внимательно тараща глаза, и наткнулся на улыбку:

– Ой, извините, вы задремали? Я вас напугала?

Ничего себе – да разве может такая дама напугать? Красивая сероглазая женщина, лет этак за тридцать, может, даже очень за, но это не портит ее в глазах Никиты, скорее наоборот. Как говорил герой какого-то романа, «из-за этого он не выгнал бы ее из своей постели». Вот именно! Никите вообще нравились взрослые, зрелые женщины. Нравились, но в то же время заставляли его робеть. Особенно такие вот – интересные, ухоженные, хорошо одетые, глядящие на него снисходительно-оценивающе, как бы с высоты своих лет, и в то же время с явным женским интересом. Именно этот их нескрываемый интерес помогал ему преодолеть робость и держаться в меру насмешливо, в меру игриво, где-то даже развязно, порою слегка похотливо – словом, куртуазно. Он чувствовал, что именно этого от него и ждут.

Таким образом, он жил в атмосфере легкого флирта, которая была для него не только привычкой, но и насущной необходимостью. Но он всегда мгновенно просекал, при ком можно себе, так сказать, позволить, а при ком – нет. Всех просекал, а эту незнакомую даму – нет. Вроде бы смотрела она, как на него всегда смотрят женщины, – с огоньком в глазах, но как-то отстраненно. Будто бы смотрит она на Никиту, а думает о ком-то другом, и не поймешь, кому светят ее глаза, кому предназначена улыбка – ему или другому?

Он насупился, но тотчас одернул себя, чувствуя, что ревнует совершенно незнакомую женщину к мужчине вообще – гипотетическому, воображаемому. Глупее ситуации не придумаешь!

Вдруг ее ласковая улыбка сделалась напряженной, в глазах появилась озабоченность.

– Нет, ну все-таки, Никита, – спросила она вкрадчиво, – что там произошло, в лесу? Вы кого-то прикончили – или кто-то чуть не прикончил вас?

Павел Малютин

15 августа 2001 года. Нант, Франция

Серые холодноватые глаза распахнулись, в них что-то вспыхнуло, Резвун отшатнулся.

– Спокойно, – досадливо нахмурился Павел. – Сироткин – это Сироткин. Что сделано, то сделано. Если б у меня были те же намерения относительно вас, я бы их давно осуществил. Который день шатаюсь бок о бок с вами по Нанту, да мы и из Москвы до Парижа вместе летели, и в скоростном ехали вместе – правда, в разных вагонах. Масса была возможностей, вы уж поверьте!

– А от Нижнего до Москвы мы тоже в одном поезде добирались? – спросил Николай Александрович, и Павел восхищенно покачал головой:

– Быстро соображаете! Да, я из Нижнего. Там же и распоряжения получил. Относительно вас и вашей семьи.

– В первую минуту я решил, что тут замешаны москвичи. Вспомнил, как в «Дельте» компаньоны отстреливали конкурентов, а потом и друг на друга перешли. А здесь, значит, сразу... – Резвун запнулся, сунул трубку в рот, но тотчас выхватил, стиснул в кулаке: – Значит, Григорий?

– Давайте без имен, ладно? – попросил Павел.

– Почему без имен? – сощурился Резвун. – Напротив, давайте с именами – если хотите, чтобы я вам поверил.

– Да и не верьте, – пожал плечами Павел. – Это ваше личное дело. Но я бы на вашем месте выслушал все, что я вам собираюсь сказать, а уж потом решал, верить или не верить.

– Вы уж сказали, – пробормотал Резвун, и Павел впервые понял, что значит расхожее выражение: «Человек постарел на глазах». – Вы уже практически все сказали. Бронников заказал вам Сироткина, теперь меня. И мою семью, так ведь? Потому что только в этом случае он получает все, все без остатка! Хотя нет! У меня ведь останется еще племянник, сын покойной сестры, он станет наследником в случае, если больше никого нет. Так что, выходит, он тоже приговорен?

– Вообще-то да, – кивнул Павел. – Но пока что он поживет. Скажем, где-то до октябрю-ноября, чтобы времени побольше прошло.

– После чего? – не понял было Резвун, но тотчас сообразил: – А, ясно. После нашей...

– Ну да, – не стал спорить Павел. – Вот именно.

– Ага... – Резвун внезапно усмехнулся. – Ну бедняга Никитка, не повезло ему! Сестра меня пилила всю жизнь, что я племянничку никак не помогаю, не беру под свое крылышко, а меня кто брал? Я всю жизнь сам карабкался как мог, сам пробился и выбился. У меня своя семья, свои проблемы, дочь... не совсем здорова, к тому же проблемы в личной жизни, мне надо внука поднимать, у меня бизнес, дел выше крыши, а Никита – парень здоровый, талантливый, не без дури, конечно, но это по молодости, это пройдет. Одна беда – Казанова такой, что я уже устал слушать рассказы о его похождениях, честное слово. Хотя подозреваю, все это больше треп, для форсу такого мужского: если он в мою сестрицу уродился, однолюбку несчастную, то должен быть...

Он вдруг осекся, провел рукой по лицу. Умолк; присел на каменный парапет, свесил плечи так, как будто вся усталость, накопленная за полсотни лет жизни, вдруг разом навалилась на него и придавила. Вроде бы самое время было ему закурить, но нет – просто сжимал трубку в кулаке.

Павел чуть усмехнулся. Ему и прежде случалось – чисто ради спортивного интереса – сообщать жертвам об их грядущей судьбе. В смысле, о том, кто он такой, Павел Малютин, и

чего с ними намерен сотворить. Разумеется, он делал это, если время позволяло и если была твердая уверенность, что приговоренный не сумеет оказать сопротивления. И сколько уже раз приходилось наблюдать одну и ту же реакцию: на смену недоверию, ужасу приходила неконтролируемая болтливость, а потом наступала апатия, воистину смертельная апатия. Человек как бы заживо умирал на глазах, он был уже неживой, и Павел своим выстрелом всего-навсего прекращал течение каких-то физических процессов: биение сердца, кроветок, работу мозга в уже неживом организме. Ну вроде как выключить свет, щелкнув тумблером. Не более того.

Конечно, могло стать так, что приговоренный все-таки преодолеет эту свою апатию, вновь исполнится воли к жизни и набросится на убийцу, но Павел старался не дать ему шанса. Однако сейчас ему впервые захотелось, чтобы потенциальная жертва оклемалась от первого шока как можно скорее. Ему было интересно посмотреть, как поведет себя именно этот человек, от которого он ждал столь многого, которому предстояло спасти не только себя, но и своего убийцу!

Резвун вдруг поднял голову. Лицо его было по-прежнему пепельно-серым, потрясенным, постаревшим, однако глаза уже не смотрели так уныло и обреченно. И голос не дрожал:

– Сколько вы хотите взамен?

Павел медленно улыбнулся и вздохнул с облегчением. Недаром он с самого начала чувствовал к этому объекту такую симпатию!

– А давайте прикинем, – сказал он дружелюбно. – За вашу голову мне обещано сорок тысяч. Не рублей, сами понимаете. За дочь – двадцать, за внука – десять. Ну а я хочу ровно вдвое. Надеюсь, вас это не разорит?

– Забавный вы человек, – усмехнулся Резвун. – Более чем забавный. Сумма большая, конечно, но для меня вполне реальная. Нереальным мне кажется другое.

– Гарантий нет? – догадливо спросил Павел.

– Правильно. Разве я могу быть уверен, что вы, слупив с меня эти деньги, потом выполните заказ и получите в двух местах сразу?

Павел кивнул. Он нисколько не обиделся этим явным недоверием. Только дурак мог ожидать, что Резвун сейчас кинется ему в ноги, облобызает их, а потом подпишет чек. Сам Павел на его месте задал бы точно такой же вопрос. Поэтому он был готов к ответу.

Достал из кармана плеер, протянул Резвуну:

– Послушайте-ка пленочку, Николай Александрович. Голоса немного нечетки, потому что запись велась в автомобиле, при работающем моторе, к тому же это копия только одного, самого важного фрагмента. Но вы голос заказчика сразу узнаете. Второй узнавать даже не напрягайтесь, этот человек для вас останется совершенно неизвестным. То есть хочется верить. Боже упаси вас с ним встретиться. От души надеюсь, что и я его больше не увижу. Если честно, это мое самое заветное на сегодняшний день желание.

Резвун глянул на него исподлобья, а потом взял плеер. Он осторожно вставил в уши ракушечки, а Павел вдруг подумал, что плеер тоже может быть орудием убийства! Ведь из чего нынче только не убивают друг друга, из чего только не палят в противника! Из зонтиков, зажигалок, портсигаров, кейсов, сигар, флаконов с духами, патрончиков с губной помадой, бутылок с вином... Все это имитации, конечно, но некоторые можно использовать и с пользой. Помадой губы красить, зонтиком от дождя прикрываться. В портсигаре хранить сигареты. И – убивать людей попутно. Главное – знать, на что нажать и откуда вылетит пуля. Чтобы в себя ненароком не попасть...

Секундочку! А как стрелять из плеера? Где разместить спусковой крючок, чем будет подана пуля?

Нет, с выстрелом не проходит. Вот что надо сделать, идея! Один наушник должен быть снабжен небольшим взрывным устройством, которое приводится в действие, как только жертва нажимает на кнопку «Play». Ба-бах! – и у человека нет половины головы. А если заминиро-

вать оба наушника, то не будет и второй половины. Эффективно, эффектно! Небось ноу-хау в способах убийств? Не запатентовать ли Павлу этот способ?

Но это потом. Сейчас гораздо интереснее казалось смотреть на лицо Николая Александровича. Услышать голос своего ближайшего друга и компаньона, обсуждающего твою смерть... Наверное, именно такое выражение было и у Павла, когда он услышал голос своего хозяина, обсуждающего его, Павла, смерть!

«– Нет, за результат я не беспокоюсь. Малюта работает чисто, красиво, спокойно, тут я ему вполне доверяю. С Сироткинъм он мне помог поладить, поможет и с Саньчем.

– Подстраховаться не думаете?

– А что, во Франции захотелось побывать? Милая страна, когда-нибудь съездишь. За Малюту ты получишь столько, что вполне хватит отправиться в турне. Но ведь ты языка не знаешь, верно? А Малюта, между прочим, свободно говорит по-французски, он все-таки иняз кончал, да и вообще практиковался, не потерял язык. Жалко мне будет с ним расставаться, но... сам виноват. Начал разговоры вести разные... нехорошие. На тему: я знаю о вас так много, что мне не терпится с кем-нибудь своим знанием поделиться, а если желаете, чтобы я молчал, то гоните монету. Никогда так не делай, Костя. Никогда! Ну да ты парень умный, сам понимаешь, что нельзя кусать руку, которая тебя кормит. Значит, так, по Франции мы вопрос закрыли, да? Ты мне пока нужен тут. Давай-ка потихоньку подбираться к племяннику. Присматривай за ним, ищи подходы. Надо сделать дело так, чтобы никакой комар носа не подточил, понимаешь? На меня явно всех собак вешать будут, когда еще и он отправится в невозвратную даль. Я, собственно, потому и хотел, чтобы Малюта отработал Саньча в загранке, что это ко мне трудноато будет пристегнуть...»

Запись кончилась. Николай Александрович вынул из уха ракушечку, напряженно взглянул на Павла:

– Я так понимаю, Малюта – это вы?

Тот кивнул:

– У меня фамилия Малютин.

– Ясно. Гришка всегда любил исторические романы. И детективы. Мы, когда еще в розницу книжками торговали, еще при самом начале дела, всегда везли из Москвы литературу своего профиля: я – фантастику и поэзию, даром что ее в те годы никто брать не хотел, Сироткин был уверен, что будущее за дамскими романами, и, что характерно, он не ошибся, ну а Гришка таскал попеременно то детективы, то историю всякую. Малюта, значит... Первый зарегистрированный историей русский киллер, да?

– Выходит, что так, – кивнул Павел, которого отнюдь не коробило ни прозвище, ни определенное сходство с упомянутым историческим персонажем. Сходство и в самом деле имелось. Впрочем, некорректно представлять дело так, будто Малюта Скуратов подвешивал на дыбу либо чиркал ножичком по горлу исключительно невинных агнцев. Истреблял врагов царя и отечества, скажем, Афоню Вяземского, отца и сына Басмановых, Ивана Висковатого, которые этого самого царя и родимое отечество пытались продать полякам... Тезка из XVI века исполнил свой долг и приказы государя Ивана Васильевича Грозного, у коего был вернейшим цепным псом.

Павел Малютин тоже был человек верный и преданный – то есть он искренне пытался быть таким, но когда хозяин сам вульгарно продает тебя...

– Костя, надо думать, – это ваш, не побоюсь этого слова, сменщик, – продолжал строить свои догадки Резвун, и Павел снова кивнул:

– Совершенно верно.

– Можно узнать, почему вы решились подслушивать вашего хозяина? Почему подозрения возникли?

– Просто интуиция. И знание человеческой психики. Я ведь о нем и правда слишком много знал. Так, решил проверить свои практически беспочвенные подозрения – и вот вам результат. Я этого будто бы и ждал, а все же был, не побоюсь этого слова, ошарашен.

– Наверное, будешь тут ошарашенным... А вы что, в самом деле пытались шантажировать Бронникова? – Резвун прищелкнул языком: – Опасная игра... Гриша не тот человек, чтобы позволять садиться себе на голову.

– Я и не пытался, – усмехнулся Павел. – Не в моих это правилах. Если я вам сейчас предлагаю определенную сделку, то лишь потому, что мне и самому надо жизнь спасать. Почему бы не спасти заодно и чужую?

– Ну да, особенно если за это хорошо заплатят, – слабо усмехнулся Резвун. – Да нет, я не в упрек, это просто констатация факта. Я вам благодарен... сами понимаете как. Но этот фрагмент, который вы дали мне послушать, вызывает к жизни определенное количество вопросов. Получается, Григорий нарочно оговорил вас перед этим Костей, чтобы оправдать собственное предательство? А как вы думаете, почему он все же решил расправиться с вами, учитывая, что вы безупречно «сделали» Сироткина? Нас, конечно, с Бронниковым вызывали в милицию и в прокуратуру, которая вела это дело, но вопросы я бы не назвал серьезными, они задавались просто для проформы. Факт гибели Сироткина в дорожной аварии не вызывал сомнений... вашими стараниями, надо полагать. Хорошей отмазкой для Бронникова было то, что Иннокентий разбился на его «Линкольне». Все знали, как Григорий трясся над этой машиной. Салон по его собственным эскизам оформляли, это все знали.

– Ну да, – перебил его Павел. – Только никто не знал, что оформление Григорию Александровичу не понравилось. Совершенно! Он хотел продать «Линкольн», но цена ведь строго на любителя, он никак не мог найти покупателя. Тогда он застраховал свою обалденную тачку и велел мне использовать «Линкольн» как орудие убийства Сироткина.

– Бог ты мой... – пробормотал Резвун, тиская в кулаке свою трубку. – Бог ты мой... А какое орудие убийства предусмотрено для нас?

– Вы должны пропасть без вести, – спокойно сообщил Павел. – То есть это был бы для заказчика идеальный вариант. Почему? Да потому что гибель одного компаньона – это случайность. Гибель второго – закономерность. А если при этом погибают и наследники этого компаньона, дочь и внук, а потом, через какое-то время, и племянник, тут уж только ленивый не станет задавать вопросы. Поэтому я должен был откровенно пристрелить вас только в том случае, если мне не удастся устроить ваше бесследное исчезновение.

У меня были три варианта... Не стану обременять ваше воображение всеми тремя, упомяну лишь про отверстие в набережной Луары, неподалеку от Сада камней. Я кое-что читал по истории Нанта – в такие вот отверстия в былые времена сердитые люди частенько прятали трупы неугодных... Река забирала их и уносила в океан. Нечто подобное происходило в знаменитых сточных канавах под Парижем, в так называемой Клоаке. Это описано, если не ошибаюсь, у Гюго в «Отверженных». Ну вот и в Нанте не обошлось без своей «клоаки».

Теперь эти подземные каналы необходимы исключительно для водотока, они забраны решетками, однако запорные системы поднимаются над водой. Нужен минимум технических знаний и оснащения, чтобы открыть такое отверстие. Минимум практики, чтобы загрузить туда три трупа...

Самым трудным было бы заманить вас туда ночью поближе к тому месту. Впрочем, можно было бы организовать убийство где-нибудь в другом местечке, а трупы доставить на машине. Я же говорю, это всего лишь дело техники. Итак, вы и ваша семья исчезли где-то в Нанте. Начинаются беспокойства: в отеле, где остались ваши вещи, среди организаторов фестиваля, et cetera. Круги расходятся, вот затревожились в консульстве, потом в посольстве, ну и в России, конечно. Безумно встревожен ваш компаньон Григорий Александрович Бронников, он ставит на ноги милицию, полицию, Интерпол... ну не знаю, что там еще. А тем временем

совершенно случайно в Нижнем Новгороде погибает ваш племянник. Никто больше не мельтешит у Бронникова под ногами, он единолично распоряжается делами и деньгами «Бука». Через год, согласно действующему законодательству, вы будете признаны безвестно отсутствующим. А наш Григорий Александрович вправе официально обратиться в органы опеки, чтобы ему передали в доверительное управление ваши с Сироткиным доли имущества фирмы. А через пять лет вы будете признаны умершим, несмотря на то, что нет доказательств вашей смерти.

– Но мы-то с Сироткиным не собирались никого убивать... – пробормотал Резвун. – Что же это Бронникова вдруг понесло? Мы же друзьями были, а деньги... нам с Кешей денег вполне хватало, это Гришка вдруг одурел. Такое бывает: не зря говорят, что денег всегда мало. Отсюда эти гонки от налогов, это желание непременно вот сейчас организовать дочернюю фирму, продать активы... Как-то вдруг все это произошло. Почему?

– Отнюдь не вдруг, – покачал головой Павел. – Боевые действия готовились не один месяц, мы с ним собрали немалое досье на каждого из вас. Проследили все родственные связи. Григорий Александрович хотел быть застрахованным от любых неожиданностей, чтобы не возник где-то неожиданный наследник, который, к примеру, пожелает получить ссуду, выплаченную Сироткину незадолго до смерти. Это было очень непросто, какая-то информация еще не собрана, осталось кое-что прозвонить, уточнить.

– Знаете, до меня только сейчас дошло, – потрясенно возрился на него Резвун. – Те бумаги, которые подписал Сироткин накануне своей гибели... я все гадал, как Гришке удалось его убедить, ведь Иннокентий ни за что не хотел дочерней фирмы! Что же его все-таки заставило изменить решение?

– Не что, а кто, – углом рта ухмыльнулся Малюта. – Я его заставил.

Александр Бергер 7 ноября 2001 года. Соложенка

Женщина, которая нашла убитую Римму Тихонову и вызвала милицию, была следователю Бергеру дважды тезкой – по имени и отчеству. Правда, не однофамилица – фамилия у нее была Калининкова. У Александры Васильевны Калининковой уже полгода не работал телевизор, отремонтировать его в деревне Соложенке было негде, в Семенов везти – накладно, вот Александра Васильевна и ходила каждый вечер к молодой соседке смотреть передачи. Как заявлялась в семь-восемь, так и уходила в десять-одиннадцать, по очереди перебирая все каналы. А если не было ничего интересного, включала видеомэгнитофон и смотрела какие-нибудь старые фильмы. «Девчата», к примеру, или «Весна на Заречной улице», или «Добровольцы». Видеокассет с хорошими фильмами было много.

По ее словам, хозяйка Римма Тихонова совершенно ничего против этого не имела – телевизор стоял на первом этаже в комнате, а она обычно устраивалась со своей работой или просто с книжкой на кухне или в спальне на втором этаже. Даже когда она была в городе, позволяла Александре Васильевне приходить и смотреть телевизор сколько угодно. Тем более что та вообще за домиком Риммы приглядывала в ее отсутствие, а иногда и на огороде возилась, если было время и силы. Это летом. А в холодное время, когда Римма приезжала в Соложенку от случая к случаю, Александра Васильевна топила печи и поддерживала в доме чистоту, чтоб можно было в любую минуту заявиться – и застать там порядок и уют.

Она уверяла Бергера, что Римма свой дом в Соложенке очень любила, но к огороду ее и на вожжах было не подтащить. И когда он совсем уж неприлично зарастал, Александра Васильевна все-таки находила часок-другой прополоть и окучить морковку-петрушку и всякую такую мелочевку, которую Римма каждую весну торопливо совала в землю, уверенная, что в этом-то году будет заниматься землей исправно. Но свободного времени потом не оказывалось, вот и приходилось надеяться на помощь соседки.

А у Александры Васильевны какие особенные заботы? Свои пятнадцать соток сада-огорода при доме да еще делянка картошки за селом – десять соток, корова, хрюшка, две козы, семь кур с петухом, пес Бобик и блудливая кошка Зинка. Правда, работать в службе Александра Васильевна не работала, того, что выручала на семеновском базаре за плоды своих трудов, на жизнь вполне хватало. К тому же племянник с женой ей регулярно платили кое-какие деньжата за то, что присматривала за их сыном.

Славику было десять лет, но в школу он не ходил. Опять же за деньги к нему дважды в неделю ходила учительница из соложеновской школы, худо-бедно учила читать и писать. По хорошему Славику надо было ходить в специальную школу, потому что он считался умственно отсталым ребенком. Но Александра Васильевна предпочитала называть его так, как называли в старину: блаженным либо юродивеньким. Славик в школе никак не мог прижиться – у него начинались припадки от страха. Нет, его никто там не бил, не пугал – просто он боялся людей, а отчего, никто не мог понять. Неведомо ведь, что там происходило, в его крохотном умишке, какие тучи там клубились. Он даже отца с матерью... не то что боялся, но дичился. Вот бабу Шуру не дичился. Учительницу Любовь Михайловну не дичился, ну еще пятерых-шестерых соложеновских жителей. И кроме них – Римму.

– Он ее даже мертвую не испугался, – рассказывала Александра Васильевна Бергеру. Она поминутно смаргивала слезы со своих небольших, очень ярких темно-карих глазок, но все же ясно было, что в очередной раз повествовать о том, как она нашла убитую соседку, причиняет ей не столько боль, сколько удовольствие. Бергеру довольно часто приходилось сталкиваться с такой словоохотливостью свидетелей, и, хоть его это несколько коробило, все же болтливый

свидетель лучше молчаливого, поэтому он сам молчал и внимательно слушал, изредка поощряюще кивая. Впрочем, Калининкову и не требовалось поощрять!

– Я чуть не упала, аж ноги отнялись, когда заглянула в комнату, – а она вон в том кресле сидит, голова набок, вся в крови. – Александра Васильевна перекрестилась. – А Славик подошел, стал на нее смотреть. С той стороны зайдет, с этой... Наверное, он даже не понял, что она мертвая, решил, что это игра такая. Риммочка с ним часто играла, они шептались, секретничали... Я думала, он в крик ударится при виде ее, а он – ничего. Смотрел, смотрел... Там на полу валялись бумажки какие-то, видать, из рук у нее вылетели, он все поднял, аккуратно на столе сложил. Видеомагнитофон выключил – фильм кончился, а телевизор все работал...

Он знал, что Риммочка беспорядка не любила, у нее, может, огород и заросший был, зато в доме все чистенько, аккуратно, все сверкало. И Славик у нее никогда не сорил, вещей не разбрасывал, всякую мусоринку норовил подобрать, если замечал. Риммочка с ним такая ласковая была, своих детей не имела, вот она чужих и привечала.

Я ей вот буквально на днях сказала: «Риммочка, вам первым делом нужно ребеночка родить, как только с Григорием Александровичем зарегистрируетесь!» А она грустно так усмехнулась: «Ну я уже завела себе одного ребенка. Причем весьма капризного!» Не пойму, она это про Славика говорила, что ли? Ну какой же он капризный, он очень тихий.

Риммочка вечно ему что-нибудь дарила, конфеты из города привозила, игрушки, раскраски – ну и он угождал ей как мог. Хоть и блаженненький, а понимал, кто его жалеет, кто к нему добрый. Она его рисовать научила, его теперь от альбомов, да ручек, да фломастеров и не оторвешь. Ой, этих ручек она ему передала – не сосчитать! Бывало, как увидит у нее новую ручку, так давай просить. Нет, он не выпрашивает, мол, дай, а просто так сядет в уголке и смотрит, смотрит жалобно... Она посмеется и отдаст ему, чего он хочет. Конечно, для нее это пустяк, а для мальчонки такая радость... Правда, Славик, она тебе всегда все дарила, что ты хотел?

Александра Васильевна ласково обернулась к худенькому мальчику, пожалуй, слишком маленькому и худенькому для своих десяти лет. Ну что ж, не всем же быть акселератами! К тому же, вспомнил Бергер, ребенок болен. Хотя выглядел-то он вполне нормально: тонкие черты лица, высокий лоб, глаза хорошие, – только выражение в них какое-то... не то испуганное, не то задумчивое, а скорее все вместе. И отвечал он, когда к нему обращались, не скоро, чаще всего приходилось вопрос снова задать, тогда он обронит словечко.

– Славик, правда, Риммочка тебе всегда все дарила? – снова сказала Александра Васильевна – и аж руками всплеснула, когда он вместо того, чтобы кивнуть, вдруг покачал головой:

– Не-а.

– Да как же тебе не стыдно! – возмутилась Александра Васильевна. – Чего она тебе не подарила, ну чего?!

Славик насупился, отвесил нижнюю губу, опустил глаза.

Бергер тяжело вздохнул. У него не было времени ни выслушивать пререкания бабки с внуком, ни утешать плачущего мальчишку. А то, что у Славика слезы на подходе, и слепому ясно. Еще не хватало!

– Ты с пола-то, кроме бумажек, что-нибудь подбирал? – спросил он, пытаясь отвлечь мальчика, но тот, как надулся, так и стоял, не поднимая глаз. Только чуть головой покачал – ничего, мол, а ни словечка из себя не выдавил. Слез, впрочем, тоже лить не стал. На том спасибо!

Бергер снова, уже не первый раз перебрал бумаги, лежавшие на столе. Та самая рукопись, которую редактировала Римма Тихонова перед смертью. Титульного листа нет, не известны ни название, ни автор, а впрочем, какое это имеет значение? На страницах кое-где пометки карандашом или чернилами, знаки вопросов или восклицательные знаки. Наверное, там, где

редактору что-то особенно нравилось или не нравилось. И это теперь не имеет никакого значения... Некоторые страницы были забрызганы кровью.

Бергер взял один листок, пробежал глазами отчеркнутый абзац, рядом с которым стоял восклицательный знак:

«...Тут я решил показать свою образованность и поведал о восхищении, кое вызвало у меня созерцание скульптурной группы Бернини „Экстаз святой Терезы“, виденной в церкви Санта-Мария делла Виктория. Святая изображена в экстазе божественной – и в то же время такой естественной любви, этот прелестный юный ангел со стрелой в руке как будто хочет обнажить ей грудь, чтобы пронзить сердце, а как он смотрит на измученную любовью женщину!»

– Какое божественное искусство! – пылко воскликнул я. – Какое сладострастие!

Отец Филиппо слегка качнул головой, и в чертах его появилась печаль.

– Какая жалость, – сказал он негромко, – что эти статуи легко могут вызвать мысль о мирской любви!..»

На взгляд Бергера, в этом отрывке не было ничего, способного вызвать такое уж внимание редактора. Но почему-то ведь отметила его Римма Тихонова этим своим щедрым восклицательным знаком. Почему-то эти слова восхитили ее. Или, наоборот, огорчили? Не потому ли, что здесь речь идет о любви?

По этой странице, исчерканной синими чернилами, особенно щедро рассыпались красные капельки...

Интересно, не эти ли слова спровоцировали Бронникова спустить курок? Он отрицает, что убил свою подругу из ревности, но, может быть, все-таки...

– Александра Васильевна, – повернулся Бергер к соседке, которая притихла, прижимая к себе внука, – при первом опросе, когда с вами ваш участковый говорил, вы показали, что в этот день в Соложенку приезжал Григорий Александрович Бронников. Но время не назвали. Забыли? Или не помните точно?

– Как не помню? – отчего-то обиделась Александра Васильевна. – Точно помню! Я крыльцо подметала, когда он мимо проехал. У него «БМВ» такой темно-зеленый. А Римма на своем крыльечке стояла, уж не знаю, то ли она его ждала, то ли просто воздухом подышать вышла. Но как только он из машины начал вылезать, Римма вдруг повернулась и ушла в дом. Уж не знаю – может, они в ссоре были, хотя он такой приятный человек, Григорий Александрович...

Бергер посмотрел на соседку испытующе. Наверняка она еще не знает, что этот «приятный человек» подозревается в убийстве своей любовницы. Иначе не стала бы его нахвалять. За годы работы в районной прокуратуре, то есть фактически – по деревням, Бергер успел узнать: деревенские – народ крайне осторожный.

– Стало быть, Риммочка в дом пошла, – повторила Калинникова. – А на крыльечке приостановилась и мне крикнула: Александра, дескать, Васильевна, не забудьте, что сегодня вторник, а значит, «Зимнее сердце» по шестому каналу не в восемь начнется, а в семь, смотрите не опоздайте. У вас ровно четыре часа осталось! Ну а если от семи отнять четыре, то и выходило, что разговаривала она со мной в три. В последний разочек... – жалобно протянула Александра Васильевна.

– А во сколько Бронников обратно поехал? Не обратили внимания?

– Не обратила, – огорченно сказала соседка. – Я в теплицу пошла, а оттуда ничего не слышно, что перед домом делается, на улице. Вот и пропустила машину, виновата.

Бергер кивнул. Ну понятно – в семь Калинникова пришла смотреть это самое «Зимнее сердце» и обнаружила труп Риммы Тихоновой. Убийство, значит, произошло с трех до семи – точнее, как значится в заключении эксперта, «смерть предположительно наступила между пятнадцатью и девятнадцатью часами».

Застрелив любовницу, Бронников спешно вернулся в город, отправился в бильярдный клуб «Карамболь», где слыл завсегдатаем, и весь вечер гонял там шары. Поразительное хладнокровие! Он алиби себе надеялся обеспечить, что ли? В принципе, это могло бы ему удасться. Если бы Калинникова не нашла Римму тем же вечером, тело могло пролежать в пустом доме и до завтрашнего дня, и до послезавтрашнего, и тогда установить время смерти было бы гораздо труднее. И Бронников вполне мог бы смастерить себе алиби, пусть и шаткое. Он же не знал, что Александра Васильевна придет смотреть «Зимнее сердце»!

Нет, почему не знал? Отлично знал. Он не мог не слышать, как Римма крикнула соседке, что ждет ее через четыре часа. Или все-таки не слышал?

А может быть, он, Бергер, переоценивает хладнокровие Бронникова? Вот ведь бросил же он пистолет, а потом вернулся за ним...

Наверное, после убийства Бронников был в таком шоке, что совершенно утратил контроль над собой, вот и кинулся сломя голову в этот «Карамболь». Любитель психологических надломов Федор Михайлович Достоевский счел бы, что стуком шаров Бронников надеялся заглушить грохот выстрела, все еще звучавшего в его голове. Хотя, впрочем, какой там такой уж особенный грохот у «вальтера» калибра 5,6? Пуля даже не прошла голову убитой насквозь, застряла в мозгу...

Надо будет завтра же предъявить Бронникову результаты вскрытия. Бергер знал: порою чтение сухих, протокольных, невыразительных строк, описывающих положение тела после смерти, перечисляющих содержимое желудка, к примеру, скупно описывающих огнестрельное ранение или состояние черепа, из которого была извлечена пуля, производит на убийц самое неожиданное действие. Человек иногда только при таком вот чтении начинает соображать, что он сделал, что натворил! Жаль, болен эксперт Григорьев, не проведена пока что баллистическая экспертиза, но результатов вскрытия, может быть, окажется достаточно, чтобы произвести на Бронникова особое впечатление?

Ну а если нет... Если нет, то надо будет показать ему еще одну страницу – заключение экспертов. Ту самую, где указано, что Римма Тихонова была на момент своей смерти беременна. Срок, правда, совсем небольшой – две недели, но факт налицо.

Интересно, Бронников убил вместе с женой своего собственного ребенка? Или все-таки чужого?

Бергер положил на стол страницу, которую все еще держал в руках, и подумал: а Римма-то Тихонова знала о своей беременности или нет? Наверное. О чем же еще она могла говорить соседке, мол, уже одного капризного ребенка завела себе?

Никита Дымов

24 октября 2001 года. Нижний Новгород

– Ну вот, теперь вы практически и дома, – сказала она.

– Ага, – буркнул Никита и нервно дернулся на сиденье. Взялся за ручку двери и замер.

Странно, что она остановилась именно здесь. Метров сто до его дома осталось, могла бы и довести. Спасибо и на том, конечно, только как-то очень внезапно она остановилась. Надоел он ей, что ли?

По идее, ему следовало сейчас поблагодарить даму и вылезти из гостеприимной «Ауди». А как быть с платой за проезд? Все-таки она везла его чуть ли не от самого Семенова, час в дороге... Конечно, у Никиты с собой всего ничего, но чем богаты, так сказать. Однако как предложить деньги такой женщине? Мягко говоря, не бедной, это по всему чувствуется. Еще пошлет... Таким же мягким голосом, с теми же изысканными интонациями, с которыми говорила с ним в пути. Знал он таких вот внешне вполне благовоспитанных дамочек – при случае умеют так размазать человека словесно, что диву даешься, в каком вузе преподают такую науку побеждать. Нет, он все-таки должен ей что-то такое пробормотать, типа, нельзя ли мне как-нибудь отблагодарить вас за вашу любезность... Ага, а она скажет: трахни меня!..

Честное слово, у него уже был подобный случай. Правда, та дама подвозила его не из Семенова, а всего лишь с Автозавода, где отмечали день рождения одного актера из ТЮЗа, однако это не суть важно. Она была молодая, красивая, но Никита на нее никоим образом не запал, поэтому не имел ни малейшего желания исполнить ее желание, тем паче – в машине. А она не унималась. Похоже, его оторопь ее только пуще раззадорила. Заблокировала дверцы с помощью пульта, сунула его себе под задницу и говорит: «Трахни меня, тогда отпущу». Никита только и мог, что брякнул: «Извини, не могу, я ведь голубой!» Она еще долго пыталась уверить его, что он никакой не голубой, а бисексуал, но в конце концов жутко рассердилась, обложила его совершенно убийственным матом и распахнула дверцу. Но только Никита ступил на землю, она рванула машину с места, он упал, вывозился жутко... Противно.

А вдруг и эта незнакомая дама устроит что-нибудь вроде? Хотя не переоценивает ли он свои чары? Она отнюдь не смотрит на него голодными глазами, не играет ими, взгляд у нее скорее задумчивый, отрешенный. Был какой-то промельк нежности в голосе, в улыбке, но только один раз, когда она сказала: «Господи, какое же вы еще дитя!» Да, в самом деле, он по сравнению с ней жуткий мальчишка, ну в дети ей не годится, конечно, а в младшенькие братишки – в самый раз.

Черт, а ведь он даже ее имени не спросил! Время в пути промелькнуло как-то слишком быстро. Рассказывал про свои злоключения – разоткровенничался по-страшному! Что-то в ней было такое, что внушало полное доверие. Такое чувство, что все, что с ним связано, ее необычайно интересовало. Да ну, чепуха какая. С чего бы это? Просто мимолетное любопытство! Так или нет, однако Никите уже через минуту казалось, что они знакомы давным-давно. Имени не знает, а от ощущения, будто хорошо, даже близко знакомы, – не отвяжешься. Даже странно.

Ну и вот, он ей все выложил, и факты, и подозрения, а потом они вместе обсуждали, что все это могло значить, было ли это спланированным покушением или случайностью. Незнакомка больше слушала, изредка вставляя вопросы, которые сразу усмиряли смятенное метание Никитиных мыслей, заставляли сосредоточиться. Даже странно, что женщина может настолько логично рассуждать! Это и помогало Никите, и странным образом раздражало его – где-то на краешке сознания. Обидно, что он, мужчина, не способен выстроить такую стройную цепочку умозаключений, а она – запросто. Женщина! С другой стороны, она, конечно, старше, у нее жизненного опыта побольше...

Короче, объединенными усилиями они пришли к выводу: на свете нет ни единого человека, который мог бы настолько желать смерти Никиты, чтобы тратить время и силы на организацию покушения. Он и сам был уверен: ну нет у него врагов. С мужчинами делить ему было нечего, никому дорогу он не перешел. Женщины, девчонки, которых он отвергал? Он делал это с такой обворожительной улыбкой, так мягко и добродушно, что они продолжали оставаться Никите добрыми подружками. Ему никогда не было жаль поиграть для них глазами, и у многих, самых закоренелых дурочек всегда оставалась надежда, что, может быть, пройдет время... Нет, Никита терпеть не мог, когда его безоговорочно покидали, когда количество умильно взирающих «подружек» уменьшалось. Он умудрился даже с той нервной особой, любительницей трахен-бахен в автомобиле, как-то поладить: она при встречах продолжала лезть к нему в штаны, но только взглядами. Виртуально! Точно так же он научился мило отделяться от приставаний особой мужского пола.

Конечно, была еще Светоня... Смугленькая травести из драмтеатра, более-менее хорошенькая, но простоватая, несмотря на подобие внешнего лоска, так и оставшаяся девчонкой с Автозавода, какой она и была. Вдобавок Светоня чем-то походила на таракашку или другое противное насекомое – столь же неотвязное. Она Никите просто-таки прохода не давала, норовила навялиться в гости, а когда он отнекивался, приходила без приглашения, но у него, к счастью, был «глазок» в двери, и он взял привычку смотреть, кто там явился.

Светоне он не открывал, хоть она и имела обыкновение устраивать истерики под дверью и около подъезда. Плачет девочка в автомате, слезы льются на пальтецо... Являлась в театр, садилась в углу мастерской и смотрела круглыми, жадными, темными глазами, не то влюбленными, не то ненавидящими. Вот уж полное впечатление – пожирает взглядом! Звонила беспрестанно, Никита даже телефон с определителем номера поставил, но Светоня частенько звонила из автомата, а ведь в этом случае номер не определяется. И с места в карьер начинала убеждать Никиту, что он ее на самом-то деле любит и хочет так же, как она его, но просто робеет, стесняется, а какого черта робеть, когда она, Светоня, вся к его услугам?!

«Я уже вся теку...» – говорила она с придыханием. Это было ее любимое выражение, Светоня не сомневалась, что от него Никита немедленно должен страшно возбудиться, а на самом-то деле от этой пошлости у него начиналась зубная боль, тошнота и расстройство желудка. Светоня натурально не давала ему житья, то клялась в любви, то проклинала, то желала всяческих напастей. Страшала своей бабкой, какой-то деревенской ведьмой из Дрюкова, а ведь всем известно, что в Дрюкове испокон водятся ведьмы да колдуны. Никита порою всерьез опасался, что Светоня с ее бабкой напустят на него сухотку или, что еще хуже, какую-нибудь невстаниху.

Да, на это «таракашка» вполне была бы способна, но натравить наемных убийц... Ни Светоня, ни другие женщины. Совершенно точно! Он убежден.

– Нет, с этой стороны никто не может иметь ко мне претензий, – почему-то с особенной запальчивостью уверял Никита. Ему казалось, что эта тема его собеседницу враз и забавляет, и волнует. Ну и он волновался, конечно...

– Тогда с какой? – спросила она, поглядывая по своему обыкновению чуть исподлобья, с затаенной улыбкой.

Нет, не поймешь – то ли она насмехается, то ли всерьез заботится о нем!

– А что, если это у них такой странный бизнес? – вдруг пришло ему в голову. – Выслеживают человека, заманивают в уединенное место и там убивают, чтобы ограбить. Я читал в газете – была целая банда мошенников, промышленяющая убийствами владельцев квартир.

– Конечно, – согласилась она. – А также владельцев автомобилей и дач, желающих их продать либо купить. Человек шел на сделку с деньгами или возвращался с ними домой – но по пути исчезал. Потом обнаруживали только его труп. Без денег, понятно. Да, сюжет достаточно распространенный... Однако вряд ли к вам применима эта ситуация.

– Почему вы так думаете?

– Так ведь вы не продавать и не покупать ехали. А только показать свою дачу. Ради какой корысти вас было тогда грабить? Или у вас карманы набиты наличкой и платиновыми кредитными карточками, и ваши попутчики об этом знали?

– Да у меня всего пятьсот рублей! – почему-то обиделся Никита. – Ради такой мелочевки гнать машину черт-те в какую даль – бензину проездить чуть не на все эти деньги... Глупо! Кстати, откуда им было знать, что у меня вообще есть какие-то деньги, пусть даже и незначительные? По виду определили? Встречают, так сказать, по одежке...

– Ну что ж, одежка у вас нормальная, приличная одежка. Шотландская куртка «бурбур» минимум две тысячи долларов стоит. Предположим, на вас напали, как пишут в милицейских протоколах, с целью грабежа, но зачем для этого голову пытаться проломить? Классная курточка мигом потеряла бы товарный вид, когда на нее брызнули бы ваши кровь и мозги, – сказала незнакомка с поразительным хладнокровием. – А уж изрешеченная пулями, она представляла бы вовсе необыкновенно ценный трофей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.